

Действия вестфальского корпуса под Смоленском

Сражение при Валутиной горе, или Лубино, не было обойдено вниманием отечественных и зарубежных исследователей. Самое подробное его описание содержится в трудах А.И. Михайловского-Данилевского и М.И. Богдановича, причем при описании действий русских войск на южном участке сражения оба историка опирались на показания генерала В.В. Орлова-Денисова. Однако со времени появления данных исследований прошло уже полтора века, в течение которых было опубликовано множество новых источников, показания которых историкам необходимо учесть. Кроме того, историки, констатируя факт бездеятельности командира 8-го армейского корпуса генерала А. Жюно, почти не касались действий подчиненных ему вестфальских войск, на которых легла «печать презрения» из-за провинности их командующего. Каких только нелестных эпитетов не удостоились вестфальцы, которых историки иногда именуют французами или юртембержцами.

Недавно была опубликована биография Жюно, написанная С.Ю. Нечаевым, который посчитал своим долгом во что бы то ни стало оправдать своего героя от любых нападков со стороны современников и историков по поводу его поведения в ходе русской кампанииⁱ. Но решал он эту задачу почти исключительно на основе мнений позднейших историков. Это все равно, что спорить о количестве зубов у ослицы только на основании писаний «святых отцов», как это делали средневековые схоласты. Правда, Нечаев использовал *часть* оправдательного письма Жюно от 3 декабря, но в жутком, «допотопном переводе» К. Полевого, и к тому же совершенно некритическиⁱⁱ. Плохое знание источников привело Нечаева к нескольким поразительным умозаключениям. Между тем одних только мемуаров вестфальских военнослужащих сохранилось *более дюжины*ⁱⁱⁱ. Именно на их показания мы опирались при написании данной статьи, сравнивая их с тем, что написал по данному поводу Жюно. Особенно ценными являются письма подполковника Ф.В. Лоссберга, записанные по горячим следам на основе собственных наблюдений и со слов высших офицеров, но нужно учесть, что их русских перевод весьма волен, имеет неточности и не оговоренные издателем лакуны^{iv}.

Но прежде чем касаться основного вопроса, необходимо разобраться с известным случаем опоздания 8-го корпуса к сражению при Смоленске.

Оказалось, что в одних исследованиях дело ограничивается лишь простой констатацией данного факта, а в других обнаружился удивительный обычай ссылаться на исторический роман С.Н. Голубова, каковой представитель социалистического реализма дал волю своей писательской фантазии. В любом случае читатель не сможет точно узнать, в каком конкретно районе заблудились вестфальцы. Помимо того, новоявленный биограф Жюно даже не знает точно, какую должность занимал генерал в начале русского похода и когда он принял командование 8-м армейским корпусом. Попытки Нечаева при решении этого и других вопросов ссылаться на работы Богдановича, Д. Чендлера и некоего Н. Полевого вызывают недоумение, поскольку даже супруга генерала герцогиня Л. Д'Абрантес привела несколько документов, проливающих свет на этот вопрос^v.

Итак, 1 апреля 1812 г. Жюно был назначен помощником командующего (commandant en second) 4-м армейским корпусом генерала Э. Боарнэ, вице-короля Италии, который командовал так называемой Итальянской армией, включавшей в свой состав еще и 3-й кавалерийский корпус; ему подчинялся также 6-й армейский корпус. Командиром же 8-го корпуса, состоявшего из вестфальских войск, формально являлся король Вестфалии Жером Бонапарт. Но поскольку последний одновременно командовал всей правифланговой

группировкой Великой армии, то фактически этим корпусом командовал его помощник (commandant en 2-й) генерал Д. Вандамм, который, кстати, вовсе не оставил армию самовольно, как заявил Нечаев, а был отстранен от командования из-за разногласий с королем Жеромом^{vi}. После отстранения Вандамма командование 8-м корпусом было временно передано старшему дивизионному генералу Ж.В. Тарро, который довел его до Орши. 28 июля командующим корпусом был назначен Жюно, который принял командование 30 июля.

«8-й корпус, - пишет генерал Л. Оке, - получил приказ выступить из Орши 12 августа, продвигаться справа от главной дороги, ведущей на Смоленск, а именно на равной высоте с 1-м армейским корпусом, который двигался по этой дороге. Корпус двигался одной колонной; генерал фон Хаммерштайн составлял авангард с тремя легкими пехотными батальонами, девятью эскадронами кавалерии и одной конной батареей; затем следовали обе пехотные дивизии, между которыми находились два эскадрона кавалерии и артиллерия, затем резервный артиллерийский парк и все экипажи; один пехотный батальон и один эскадрон гусар составляли арьергард. 12-го корпус выступил вправо от Домбровны, 13-го был у Романова, 14-го - у Баево (Buewo), не видя противника». Лейтенант С. Рюппел также пишет, что вестфальцы «перешли Днепр в Орше по понтонным мостам, прошли около одной мили по большой дороге до Дубровны, а затем неожиданно свернули вправо от дороги, чтобы предпринять фланговый марш». Лейтенант Линсинген вспоминал, что корпус свернул к югу от дороги на Смоленск, и уточнил: «Мы двигались в следующем порядке. *Авангард*, генерал фон Хаммерштайн: 1-й гусарский полк, 1-й легкий пехотный батальон, 2-й гусарский полк, 2-й и 3-й легкие пехотные батальоны, 2 эскадрона шволежеров гвардии, 1/2 конной батареи. *1-я дивизия*, генерал Тарро; 6,2,3 и 7-й линейные полки. *2-я дивизия*, генерал фон Оке: 3 пехотных батальона (гренадеры, шассеры и егеря), 5-й линейный полк»^{vii}.

13-го и 14-го вестфальцы повстречались с поляками, которые шли из Могилева, и теперь заняли место слева от немцев. «Все же до сих пор, отметил Оке, герцог исполнял свой марш по предписанию. Но 15-го он должен был, оставаясь на правом фланге армии, продвинуться еще далее до Церковище (Tczerkowitzky), в трех часах вправо от лежащей на большой дороге почтовой станции Корытня (Korydnia), тогдашней Главной квартиры императора. Поэтому он выступил уже в 2 часа утра, не сообщив своим генералам объекта марша, название которого он по ошибке неправильно понял, или оно было неправильно произнесено его проводниками (Boten). В одном часу [пути] от Баево перешли старорусскую границу. *В старой России больше не было евреев, которые были очень полезными для армии вследствие знания немецкого языка и своей услужливости; отныне также жители убегали далеко прочь; поэтому при ошибке не так легко можно было вновь попасть на правильный путь. Корпус двигался без остановки несколько миль в направлении, почти перпендикулярно отклоняющемся от Смоленской дороги.* Герцог, сам возглавлявший авангард, около полудня, вероятно, убедился в своей ошибке, так как оказался вне всякой связи с прочими корпусами, а высланные на удаление часа [пути] рекогносцировки не смогли обнаружить никаких войск. Поэтому он повернул и двинулся назад почти по тому же направлению, только по непроходимому пути, чтобы достичь Буяново (Bojanowa), недалеко от Красного, так как он надеялся установить здесь тесное сообщение с наступающей армией».

Лейтенант Ф. Гиссе пишет, что 15-го вестфальцы двинулись вправо от Смоленского тракта до Церковище (Tczerkowiczu), примерно через 1,5 часа пути рано утром перешли Шировичи (Szirowiczu); «далее мы двинулись *в направлении, уклоняющемся вправо от большой дороги* на Смоленск, и при угнетающей жаре примерно 7 часов прошли быстрым маршем». Незадолго до захода солнца они начали устраиваться на бивак, так как «от авангарда, при котором находился лично герцог д'Абрантес, донесся слух, что *из-за ошибки проводника*, который название места Церковище (Tczerkowiczu) перепутал со Зверовичи (Zwegowiczu), нас завели на 2 1/2 часа [пути] далеко вправо, и потому мы должны снова вернуться на место, так как потеряли все связи с прочими армейскими корпусами». Лоссберг записал в тот же день в Буяново (Tiana): «Хотя мы находились в пути 16 часов, но выиграли только 4 часа пространства, так как армейский корпус двигался несколько часов далеко вправо, и, наконец, когда это было обнаружено, свернул влево на поперечный путь. Мы прибыли ночью около 12 часов, напоследок двигаясь побригадно,

защемленные между дефиле». Помимо отмеченных выше причин данной ошибки, Лоссберг назвал еще следующие: «сходство русских и польских названий и сложность правильно их выговорить, а также недостаток хороших карт России». «15 августа, - пишет Линсинген, - в день рождения императора Наполеона, мы перешли границу старой России. Вообще казалось, что сегодня дело дойдет до сражения. Уже в 2 часа утра мы выступили с бивака. С короткими остановками мы двигались до 9 часов вечера - и оказалось, что мы удалились едва на четыре часа [пути] от точки нашего выступления. *Знающий местность проводник, который был придан авангарду, был евреем. Умышленно ли он ввел нас в заблуждение, сам ли он ошибся? Кто может это сказать?* Во всяком случае, армейский корпус проделал весьма напряженный марш и не достиг пункта, которого он должен был достичь. *Герцог тотчас приказал расстрелять еврея*»^{viii}. Здесь необходимо скорректировать показания вестфальцев, плохо разбиравшихся в русской географии. Почти наверняка Жюно получил приказ двигаться на Зверовичи, к юго-западу от Красного, а проводник по ошибке свернул вправо - к с. Церковище.

Из-за этого недоразумения, считал Оке, «войска двигались до 12 часов ночи и достигли местности в двух милях от Баево. Герцог с авангардом ночью прибыл в район Буяново (Bojanowa); 23-я дивизия, как и следовавшие за ней кавалерия и артиллерия, не могли, однако, более двигаться в этом непроходимом пространстве очень темной ночью, чем более в сомкнутых колоннах. Чтобы избежать еще большего беспорядка, различные командиры велели своим войскам занять отдельные позиции в районе Палкино и расположиться там биваками до рассвета... Генерал Оке, который был своевременно извещен о перемене направления [движения] герцога на Буяново, тотчас принял влево, и еще вечером соединился с [герцогом] Абрантес, избавив свою дивизию, которая оставалась сомкнутой, от шестичасового затруднительного марша». Таким образом, наибольший «крюк вправо» проделала 23-я дивизия генерала Тарро. Гисе также пишет, что «авангард дошел до района Буяново, недалеко от Красного. Но основная часть - до Палкино, так что мы находились от Баево всего в 4 часах [пути], в то время как прошли 5 миль». По его словам, утром 16 августа вестфальцы были разбужены артиллерийским огнем, доносившимся от Смоленска.

«Лишь на следующее утро, 16-го, - пишет Оке, - прочие войска присоединились к герцогу, который теперь двинул корпус в направлении к Смоленску, но смог продвинуться не далее Толстиков, в районе которого был раскинут бивак. В тот день Наполеон занял высоты перед Смоленском и разведаль неприятельские позиции. [Герцог] Абрантес, напротив, находился еще на удалении пяти полных миль оттуда». Лоссберг утверждал, что вестфальцы выступили в 3 часа утра, и в 19 часов пришли в Толстяки (Goltisky). Линсинген вспоминал: «16 августа мы с утра слышали оживленную перестрелку. Около 8 часов вечера мы заняли бивак с той стороны городка Волкове. Едва мы развели огонь и положили в горшки свои скудные продукты, как должны были выступить и еще час продвигаться вперед с тем, чтобы господин герцог смог совершенно безопасно сидеть в своей квартире, в одном поместье (Schlosse). Вообще, герцог фон Абрантес, в противоположность нашему прежнему высшему начальнику, казался странным образом *слишком озабоченным своей собственной персоной* и, также в противоположность нашему бывшему начальнику, не проявлял никакой заботы о своих солдатах». По словам Рюппела, из-за этих маршей кавалерийская бригада была приведена в расстройство. По его мнению, «злой гений внушил эту идею [герцогу] Абрантес, уже тогда слабоумному, и мы весьма поспособствовали срыву столь превосходно задуманного маневра великого императора! Проведя столь длинные марши, на другой день мы возвратились назад туда, откуда вышли, по дурному окольному пути, через лощины, болота и топкие леса». Почти все гусары в той или иной степени заболели злокачественной дизентерией, так как пили грязную воду из луж, а лошади были измотаны^{ix}.

17 августа французы начали штурм Смоленска. Вестфальская кавалерия выступила в 4 часа утра, легкая пехота - в 5 часов, уже с утра было жарко, а к полудню жара стала угнетающей. Гиссе говорит, что вестфальцы проделали путь в 6 миль по плохой дороге, так что опять в корпусе было множество отставших, которых ему было поручено собирать. Лишь между 2 и 3 часами дня сделали остановку, так как жара стала непереносимой. По словам Линсингена, «разрушенный мост задержал наше движение, и, прежде чем он вновь был сделан проходимым для нашей артиллерии, было потеряно четыре часа. От Смоленска

мы слышали орудийный гром. Примерно в в двух часах [пути] от Смоленска [унтер-]лейтенант Лаутерборн из нашего батальона, который прибыл к Смоленску с одной командой по прямой дороге, сообщил, что император Наполеон находится там и что вчера и сегодня ожесточенно сражался». «Около 2 часов пополудни, - записал Лоссберг, - прискакал во весь опор офицер из большой Главной квартиры, чтобы призвать наш армейский корпус, который якобы уже со вчерашнего вечера ждали под Смоленском. Он так громко передал свое поручение Жюно, который в тот момент находился у одного бивачного костра, что это сообщение тотчас распространилось во всем армейском корпусе. Мы немедленно выступили, и я могу заверить, что все высшие офицеры высказывали негодование как этой бесполезной остановкой, так и преимущественно тем окольным путем, который мы проделали 15-го, из-за чего потеряли 24 часа времени».

«Наполеон, - пишет Окс, - послал офицера, чтобы разыскать герцога д'Абрантес и передать ему приказ по возможности ускорить свой марш и на крайнем, правом фланге растянуться до Днепра, чтобы полностью окружить Смоленск на левом берегу. Герцог, хотя и выступил 17-го на рассвете, однако несколько часов провел в прекрасном поместье, чтобы отобедать, и на это время велел своему корпусу сделать остановку несмотря на артиллерийский огонь, ясно слышимый из Смоленска... Здесь императорский приказ достиг герцога, и теперь немедленно выступили к Смоленску, удаленному на три мили. Легкая пехота должна была большую часть пути двигаться бегом, кавалерия - почти всегда рысью. К вечеру к Смоленску прибыл лишь авангард, а тёмной ночью - пехота. Но так как стычка уже была решена, то 8-му корпусу был назначен бивак недалеко от императорской гвардии». Линсинген также подтверждает, что «герцог приказал батальонам авангарда двигаться далее бегом. Большое число солдат пало от неслыханного напряжения и осталось лежать, все ли отставшие упали от утомления, я не могу утверждать... Мы все ближе подходили к чрезвычайно сильному орудийному и ружейному огню. Лишь один лес еще отделял нас от Смоленска. Когда мы прошли через этот лес, неожиданно была отдана команда: "Ружья на плечо", и самый прославленный человек своего времени, император Наполеон, шагом проехал вплотную мимо нас со своей необозримой свитой. Император имел спокойное, почти радостное выражение [лица].

Все же мы пришли к сражению слишком поздно; огонь пехоты умолк, когда мы достигли города; вдали слышали мы еще отдельные артиллерийские выстрелы. Мы раскинули бивак примерно в полудне [пути] от города». «Как, однако, мы были поражены, - вспоминал Гиссе, - и какое уныние охватывало нас, когда мы заметили, что из всех тех местечек, куда приближались наши отряды, жители моментально убежали в ближайшие леса. Пламя извергалось из всех домов, и вместо наполненных жизнью деревень мы видели мгновенно возникающие тлеющие кучи пепла». Лоссберг писал, что вестфальцы подошли к левому флангу французской гвардии, стоявшей во второй линии, и встали за поляками в сомкнутых батальонных колоннах; а по словам старшего сержанта Ф.Л. Вагнера, 1-я дивизия расположилась фронтом против Смоленска, а 2-я - фронтом против дороги на Ельню через Адамово и Дрожжино^x.

«Из-за неумелости своего командующего, - подытожил Оке, - вестфальцы не приняли никакого участия во взятии Смоленска. Иные генералы за такую ошибку заплатили бы смещением с должности; однако Наполеон, довольный взятием этого города, сделал всего лишь выговор своему любимому герцогу Д'Абрантес, и даже предоставил ему возможность исправить свою ошибку, доверив ему сразу затем очень важное предприятие». Сам же Жюно попытался переложить вину за опоздание корпуса на своего подчиненного. В пику написанной в бюллетене фразе, что он «сбил с дороги и сделал ложное движение», Жюно заявил: «Я несколько не сбился с дороги, а только во второй день перехода сделал шесть лье вместо восьми (что легко было бы вознаградить в другие дни). Генерал Тарро затерялся из-за своего неповиновения несмотря на то, что я дал ему кавалерийские отряды для направления его к Буянову... В 10 часов вечера, когда я послал за своими генералами, чтобы переговорить с ними о нашем переходе, генерала Тарро не нашли на том месте, которое я указал ему. Я подумал, что он остался позади и послал к нему навстречу... Офицер, посланный за ним, возвратился в три часа утра, не встретивши его; тогда, припоминая себе вчерашнее его мнение о нашем пути и зная характер его, я не сомневался, что он сам пошел вправо, на Мстиславльскую дорогу, куда и мы должны были прийти. Я тотчас послал моего начальника штаба полковника Ревеса, и

тот в самом деле нашел его в четырех лье от нас, так что *он возвратился в лагерь только в четыре часа пополудни...* Я знал, что Ваше Величество были недовольны генералом Тарро; я надеялся усиленным маршем поправить *его вину* и, чтобы не погубить этого человека, перенес наказание за *его проступок*. Весь 8-й корпус был свидетелем события»^{xi}.

18 августа штурм: Смоленска продолжился, и, по словам Рюппела, «артиллерийский огонь превратил город в вулкан, извергающий огонь. Наш путь, который проходил мимо бивака знаменитого 6-го польского уланского полка, свернул неожиданно вправо, так что мы оставили слева крутой берег сузившегося Днепра и Смоленск и двигались в гору, пока не прибыли на плато, на котором уже располагались биваками кавалерийские корпуса генералов Монбрёна и Груши. Едва мы заняли указанное нам место, как мимо нас прошли прекрасные полки императорской гвардии: конные гренадеры, драгуны и конные егеря; они весьма сильно отличались от наших гусар, уже очень оборванных». Лошади также были чрезвычайно измучены, и, хотя во 2-м гусарском полку еще насчитывалось 300 рядов, среди лошадей уже было много «так называемых литовских коней, то есть маленьких крестьянских лошадок».

Итак, наполеоновские войска с различных сторон штурмовали город. «А вестфальский корпус? - вопрошал подполковник Л.В. Конради и отвечал. - Мы стояли теперь все еще там, куда нас привели вечером 17-го, хотя все мы горели желанием наконец-то в первый раз вступить в сражение. Все, но, по крайней мере, не Жюно, которому, вероятно, это было неприятно. Но, казалось, что нас забыли или не считали достойными чести участвовать в успехах. Ожесточение среди нас достигло наивысшей степени. Достаточно громко выражали недовольство таким обхождением и руководством, даже генералы Тарро и фон Оке не делали никакой тайны из своего недовольства. Но Жюно, который один был в этом виноват, по возможности старался этого не замечать».

«В результате рекогносцировки, - пишет Оке, - было выяснено, что, хотя русские отступили по дороге на Москву, однако на расстоянии одной мили от Смоленска заняли сильным корпусом важный переход у Валутино и выгодную позицию с тем, вероятно, чтобы затруднить преследование со стороны французской армии. Поэтому император Наполеон приказал, чтобы 19 августа корпус маршала Нея перешел по вновь построенным мостам в Смоленске через Днепр, чтобы атаковать эту позицию с фронта, в то время как герцог д'Абрантес должен был перейти реку одной милей выше [по течению] у Прудышева, обойти эту позицию справа, ударить противнику во фланг и тыл и, таким образом, отрезать его от главной армий». По словам адъютанта Окса, капитана И. фон Борке, «корпусу была дана задача быстро продвинуться и броситься между русским войском и его аррьергардом, в то время как французы следовали от Смоленска по большой дороге»^{xii}.

В 5 часов утра 19 августа Бертье сообщил Жюно: «Император приказал, господин герцог, чтобы вы с вашим армейским корпусом тотчас по получении этого приказа двинулись по левому берегу Днепра в точку, где вы найдёте генерала Эбле. Я дал приказ этому генералу перебросить понтонный мост. Прикройте эту операцию и перейдите с вашим армейским корпусом на правый берег». Тогда же Бертье направил приказ Эбле, чтобы «вы навели ваш понтонный мост на Днестре в месте, где находятся экипажи». По словам А. Жомини, Наполеон «поручил генералу Гийемино отыскать переправу через реку выше города, чтобы перекинуть мост и отрезать неприятелю путь к Москве. Жюно с вестфальцами должен был это исполнить». Гиссе пишет, что, следуя этому приказу, 18 августа «вечером и ночью под прикрытием наших I и II легких пехотных батальонов с отрядом гусар и несколькими орудиями, были построены два моста через Днепр шириной в 154 фута». Вестфальцы выступили в 5 часов утра 19 августа и, пройдя возле биваков гвардейской кавалерии и бригады Пире (8-й гусарский и 16-й конно-егерский полки), направились к месту переправы. По словам мемуаристов, после 15-3 часов марша вестфальцы между 9 и 10 часами переправились через Днепр у Прудыщ «по двум мостам, построенным генералом Эбле», как пишет Лоссберг. Линсинген из 2-го батальона легкой пехоты вспоминал, что «для прикрытия наведения мостов наш батальон был перевезен на другой берег на понтонах. *Французские моряки навели оба моста с невероятной*

сноровкой и быстротой». Лишь Рюппел говорит, что мосты были наведены «нашими саперами».

По словам Гиссе, для охраны мостов были оставлены со своими ротами капитаны В.Л.Ф. Болен из 2-го и Ф. Людовици из 3-го линейных полков. Ф. Кролман, музыкант 3-го батальона легкой пехоты, писал: «Утром наш батальон выступил во главе армейского корпуса и достиг Днепра. Здесь нашли понтоны, собранные для понтонных мостов, а через реку были переброшены два моста». По свидетельству Лоссберга, во время переправы, между 10 и 11 часами к Жюно прискакал из Смоленска один из офицеров-ординарцев Наполеона, видимо, для того, чтобы сообщить затем императору о том, насколько успешно проходит переправа. После кратких переговоров с генералом посланник императора быстро умчался назад. Сам Жюно писал: *«Я получил приказ идти прикрыть возведение мостов на Борисфене. Я сделал это, и мы перешли через реку довольно медленно из-за нашей артиллерии, сходы (лез гатрез) мостов были чрезвычайно плохими, и я смог занять позицию лишь гораздо позднее, будучи вынужден сделать дорогу для артиллерии в болотистом лесу».*

«В это время, - продолжает Кролман, - на той стороне реки перед зарослями показались отдельные казаки. Дивизия теперь стянулась; русских поприветствовали орудийным огнем, после чего они ускакали в лес. *Наш батальон первым перешел через мост. Я был одним из первых, кто вступил на мост*». По словам Борке, «переправа через реку прошла без выстрела, так как уже при наведении мостов русские были прогнаны с противоположного берега». Рюппел пишет, что после переправы к кавалерии присоединились два конных орудия, а «на другой стороне реки местность стала гористой и лесистой. При входе в заросли мы нашли тело ротмистра де Сен-Сернена из генерального штаба, он имел огнестрельную рану и несколько ударов пиками: он попался в руки русских во время рекогносцировки»^{xiii}. Лоссберг записал: «Вскоре после успешной переправы наш авангард наткнулся на нескольких *казаков*, которые отошли к высоте (плато), занятой пехотой и несколькими орудиями, и, после нескольких выстрелов оттуда, оставили эту высоту, чтобы быстро отступить за дефиле, позади которого они, однако, столь далеко выстроились, что не могли его защищать против серьезной атаки с нашей стороны». «Когда мы вышли из леса, - вспоминал Кролман, - перед нами на небольшом удалении стояла деревня в ярком пламени. Дорога вела посередине горящих домов. После короткого марша мы заметили длинную черную *линию казаков*, которая стояла на вершине одной горы. "Там стоят казаки!", - послышалось со всех сторон. Гвардейские шволежеры и гусары двинулись против них; но при приближении нашей кавалерии казаки подались через гору назад». Действительно, казаки Карпова своевременно обнаружили наведение мостов неприятелем у Прудышево и следили за его передвижениями.

Лишь один Оке уверял, что вестфальцы «перешли, *незамеченные противником*, в указанном пункте через Днепр по двум только что наведенным мостам и еще *около 1 8 часов двигались дальше* до высоты деревни Щенково (Szenkowo)^{xiv}, откуда не заметили перед собой никаких войск, но в течение часа могли быть свидетелями слева от себя боя между корпусом Нея и русским арьергардом. Впереди этих отлогих покатостей в узком овраге протекал маленький ручей, который все же во многих местах мог быть перейден без особых усилий». Гиссе также говорит, что после переправы вестфальцы более часа шли по узкой дороге до д. Щенково с большим поместьем, не встретив никаких препятствий; было 11 часов. «Наша бригада, - пишет Рюппел, - непрерывно двигалась далее; *мы радовались, тому, какие лавры ожидают нас*, если мы весьма а 1етро (своевременно) сумеем отрезать отступление неприятелю, удалявшемуся в длинных колоннах. Лишь *в 1 час пополудни мы сделали остановку* на поросшей лесом возвышенности вблизи одной деревни. Мы двигались по полкам (geßlergeye) и спешили, чтобы предоставить лошадям и людям некоторый отдых». «До полудня, - вспоминал Борке, мы двигались до возвышенности у деревни Чебенково, когда наш авангард увидел неприятельские колонны, которые двигались так медленно, что только от воли командующего генерала зависело добраться до них и принудить к сражению. *Войска демонстрировали добрую волю, ведь это был для них первый случай сразиться*». «Если бы мы теперь пошли в атаку, то русские были бы уничтожены, - считал Конради, - *и все, офицеры и солдаты, в лихорадочном напряжении ожидали приказа к наступлению. Наша жажда борьбы давала волю чувствам, отдельные батальоны жаловались, что они хотят идти вперед*, но Жюно не двигался и грозил, ругаясь, расстрелять всякого, кто скажет еще одно слово. Было от чего прийти в отчаяние! Итак, нам предоставлялся удобный случай одержать большую победу, вновь оживить почти забытую военную славу хессенцев, а Жюно, *этот неспособный и при*

этом своенравный генерал, его не использовал. Я видел, как генералы Тарро и Оке тщетно уговаривали его»^{xv}.

«Если бы герцог, - вторит ему Оке, - быстро перешел через этот овраг, который находился между его и русскими позициями и, сохранив направление своего движения, пошел бы дальше, то он вышел бы позади одного леса на Московскую дорогу, взяв неприятельский арьергард во фланг и в тыл, и совершенно отрезал бы его от главной русской армии. Несомненно, это движение имело бы блестящий успех и, вероятно, привело бы к уничтожению этого арьергарда силой в 10 000 человек. Но герцог д'Абрантес смутился при появлении противника, приказал обеим пехотным дивизиям остановиться позади возвышенности и даже вместе с авангардом отступил от нее на некоторое расстояние назад, и выстроил корпус позади леса (на выходе из которого располагалось прекрасное поместье), где он не мог быть видим обеими армиями и даже сам ничего из-за этого не видел. На замечания, сделанные ему некоторыми генералами, он вполне определенно ответил, что, *вопреки полученному приказу, он слишком быстро продвинулся вперед, чтобы на этой высоте занять позицию; действительно, он ждал ещё несколько часов, прежде чем вновь направился туда*. Борке также заметил, что, «хотя местность была неудобна для атаки, но *при хорошем настрое войск* герцог мог бы рискнуть; но он совершенно ничего не предпринял, а позволил русским спокойно идти, и в своих распоряжениях проявил много нерешительности и колебаний». По словам Гиссе, Жюно отдал неслышанный приказ остановиться слева от леса, вышел д. Щенково, и отправился на завтрак в поместье; правда, он «позаботился, чтобы и нам (поскольку мы испытывали жажду и голод, расположившись лагерем в чистом поле на испепеляющей жаре) было выдано живительное питье из находившихся там запасов шнапса». Линсинген вспоминал, что Жюно «занял прикрытую позицию позади лесистой возвышенности и позади одной деревни». По словам Лоссберга, «Жюно занял теперь на этой возвышенности, расположенной в 1 ½ часах от нашей переправы через Днепр, скрытую позицию (забавным образом) в кареях (in Quare's)». «Со скрежетом зубовным, - возмущался Конради, - стояли мы как праздные зрители там, где присутствовали честь и слава. Удобный случай, добиться блестящего успеха, был упущен столь бесчестным, трусливым образом! Я видел многих офицеров и рядовых в моем батальоне, у которых по бакенбардам стекали слезы ярости и стыда. Если бы в корпусе не существовал столь превосходный дух личного состава, то здесь могло дойти до бунта!»^{xvi}.

Между тем перестрелка с русским арьергардом генерала П.А. Тучкова 3-го завязалась еще в 11 часов, и после упорного сопротивления он отступил за р. Страгань. «Мы могли ясно видеть, - свидетельствует Линсинген, - как русская армия отступает по этой дороге. Напротив нас стояли казачьи пикеты, в которых мы могли невооруженным глазом отличать одного человека от другого. Около полудня мы услышали слева оживленный огонь и увидели, как русские, перестреливаясь с французами, отступают». Борке пишет, что корпуса Нея и Мюра «теснили перед собой русских по Московской дороге так, что мы на нашем левом фланге ясно слышали почти каждый выстрел. Сражение подходило к нам все ближе, становилось все оживленнее, и даже если лес на нашем левом фланге препятствовал обзору происходивших там движений, то звук орудийного и ружейного огня позволял ясно заключить, что названные корпуса уже продвинулись до равной с нами высоты. Это было в первые послеполуденные часы; мы сделали остановку; густо поросшее кустарником пространство и глубокая долина, так называемая "священная долина", лежали перед нами и отделяли нас от неприятеля. Перед фронтом нашего левого крыла лежал лес, который, как и всю долину, русские прочно занимали большой массой легких войск. Насколько я помню, в долине находился лишь один единственный переход, пригодный для нашей колонны... Дивизия моего генерала стояла своим левым флангом вплотную к лесу, который отделял нас от русских и французов и скрывал их движения. При этом огонь на нашем левом фланге подходил все ближе, и генерал пожелал это выяснить, так как он не мог знать, друг или враг может в

скором времени там появиться. Поэтому он приказал мне в сопровождении ординарца-гусара поехать верхом в лес, раздобыть разъяснения его опасениям и, если возможно, установить связь с французами. Я скакал недолго, когда нашел проезжую дорогу и светлое место, где точно убедился, что французы [находятся] с нами на одной высоте, а их стрелки частично даже рассыпались уже впереди нашей позиции. Таким образом, я прискакал назад с сообщением, что нашему левому флангу нечего опасаться». Борке сообщил об этом самому Жюно, который собрал вокруг себя своих генералов.

Рюппел вспоминал: «Гром орудий теперь все больше приближался к нам, и мы видели, как пороховой дым поднимался над лежащей к западу лесистой местностью». *«Долгое время, - пишет Гиссе, - стояли мы праздно и бесцельно при приближающемся шуме сражения, прежде чем мы двинулись вновь, оставили высоту с сохранением прежнего направления движения, перешли через ручей, а затем снова вверх, на удалении примерно получаса от Щенково достигли одной высоты»,* обогнув которую, изменили направление марша. *«В 3 часа пополудни мы со всем нашим армейским корпусом прибыли на русский левый фланг, более в тыл, чем во фланг. В то время как герцог д'Абрантес мог бы деятельно использовать этот момент и быстрым продвижением в тыл неприятельской боевой линии произвести блестящий удар, к чему его уже должен был побуждать боевой настрой, громко и с пылом выражавшийся в наших рядах, он, ко всеобщему удивлению и досаде, приказал остановиться у опушки леса сомкнутыми колоннами, и спокойно взирал, как неприятель использовал нашу бездеятельность для того, чтобы быстрой переменной фронта избежать угрожающей опасности для своего левого фланга».* По словам Окса, когда вестфальцы теперь с опозданием подошли к полю боя, они «увидели, что на расположенном напротив поле выстроилась неприятельская кавалерия, которая имела связь с войсками, стоявшими на Московской дороге с той стороны оврага. Указанный противник тотчас обнаружил первое появление герцога д'Абрантес и принял надлежащие меры, чтобы избежать угрожавшей здесь опасности. Поэтому многие дивизии, уже выступившие на Бредихине, спешно были отозваны назад, и почти вся имеющаяся кавалерия перешла на русский левый фланг. Герцог д'Абрантес довольствовался тем, что наблюдал противника, хотя почти все его генералы призывали его к атаке».

Действительно, в 15 часов на поле боя прибыл М.Б. Барклай де Толли. Он направил на помощь Тучкову войска П.П. Коновницына, а В.В. Орлову-Денисову приказал «поспешить с позиции при Бредихине на рысях с I резервным кавалерийским корпусом к д. Заболотье, расположить корпус, не переходя через болото, на высотах. Увеличивая силу оно, мелкий кустарник, растущий на высотах, способствовал выполнить приказание, и весь корпус с конною артиллериею, сойдя с коней, был поставлен на опушке леса в одну шеренгу». Орлову-Денисову были также подчинены генерал А.А. Карпов 2-й с 5 казачьими полками и гусарские полки генерала А.М. Всеволожского и полковника И.М. Вадбольского, которых он встретил, «переехав с затруднением через болото по тропинке на первую высоту». «Осмотрев неприятеля, формирующегося за большим оврагом в три густые эскадронные колонны, имея впереди каждой по полку пехоты, с другой стороны, удостоверившись, что окружавшие позицию сию болота лишали всю надежду на отступление», Орлов-Денисов убедил своих кавалеристов в невозможности отступления. Он «расположил Мариупольский, Сумский и Елисаветградский полки в четыре линии, в шахматном порядке, с эскадронными интервалами между эскадронами, примкнув правый фланг к пригорку над болотом, отделявшим нашу кавалерию от большой дороги. На этом пригорке были поставлены четыре конные орудия. Пять казачьих полков и два эскадрона Изюмских гусар составили левое крыло, примыкавшее левым флангом к болоту. Войска же 1-го кавалерийского корпуса были поставлены на высотах за болотом, в тылу позиции»^{xvii}.

Тем временем Наполеон, «осмотрев местность с господствовавшей над ней возвышенности, снова послал герцогу д'Абрантес приказ действовать с должной энергией. - Барклай сошел с ума, - сказал он. - Этот аррьергард будет взят нами, если только Жюно ударит на него». По словам Окса, «император уже очень давно рассчитывал на содействие вестфальцев, и когда с этой стороны не раздалось даже ни одного ружейного выстрела, от главного корпуса *приехал сюда король Неаполитанский, проскакав через густой лес к герцогу д'Абрантес, чтобы призвать его к немедленной атаке. Герцог полагал себя не обязанным ни к какой атаке, и хотя велел кавалерии сесть на коней, но послал через овраг только 2-й легкий пехотный батальон и вольтижерскую роту 1-го лежкого батальона, которые, хотя и двинулись против неприятеля и открыли стрелковый огонь, но были не в состоянии ввязываться в серьезный бой с превосходящей неприятельской кавалерией. Поэтому последняя воспользовалась их слабостью, чтобы врубиться в них. Подполковник Бёдикер поспешно отвел составленную из его батальона стрелковую линию в*

расположенный поблизости лес; но капитан фон Вурмб, рассчитывая на близкую поддержку, со своей вольтижерской ротой образовал каре, на которое затем набросились несколько полков кавалерии, и капитан фон Вурмб и большинство его людей были заколоты после мужественного сопротивления».

Борке вспоминал, что едва он отрапортовал Жюно о ситуации на левом фланге, как «неожиданно сюда прискакал через тот самый лес с левой стороны король Неаполитанский и пылко обрушился с упреками на герцога, почему он не атакует и упускает прекрасные обстоятельства^{xviii}. Между обоими полководцами возникла оживленная перепалка, которая закончилась тем, что герцог приказал авангарду наступать. Атака, однако, совершенно не удалась. Хотя одной части авангарда удалось выбить русских из долины и самой укрепиться на другой ее стороне, герцог, однако, не послал ей никакой поддержки, отчасти из-за сложностей местности, отчасти потому, что он все еще не отважился или, вероятно, не хотел более ставить на карту свои войска. Таким образом, случилось, что 2-й легкий пехотный батальон, который без подкрепления осмелился продвинуться слишком далеко вперед, был почти полностью уничтожен у нас на глазах, несмотря на всю свою храбрость. При этих обстоятельствах *произошел случай, вероятно, единственный в своем роде*. После того как батальон полностью расстрелял [патроны] и отдельные, сбившиеся в толпу роты были изрублены и рассеяны кавалерией, большей частью казаками, рота капитана фон Вурмба еще защищалась с величайшим упорством. Она была *атакована толпой казаков, которые спешили и взяли пики в руки, и была уничтожена почти до последнего человека*. Само собой разумеется, что ни капитан фон Вурмб, ни один другой офицер не остались в живых. Основная часть армейского корпуса с высоты своей позиции была свидетелем этого печального зрелища и несчастного исхода всего дела, будучи не в состоянии что-либо изменить».

Несколько иначе описал эти события Рюппел. По его словам, когда вестфальская кавалерия стояла в полковых колоннах, на противоположной стороне оврага виднелись только стрелки из русского гвардейского гусарского полка. Поэтому туда «был послан один взвод нашего полка под командой лейтенанта фон Редена, чтобы на той стороне дефиле броситься на этих застрельщиков, если их превосходство не будет слишком большим. Одновременно также перешла овраг *одна вольтижерская рота из подошедшего тем временем 1-го легкого вестфальского пехотного батальона под командой капитана фон Вурмба* и двинулась вперед в открытое поле. Едва лейтенант фон Реден распустил своих людей в стрелковую цепь, как эскадрон красных гвардейских гусар, до этого стоявший скрытно, бросился на него, на наших глазах сбил многих его людей с лошадей, и все они неминуемо были бы взяты в плен, если бы огонь вольтижерской роты не внушил ему уважение; несмотря на то, что он [огонь] имел незначительное действие, так как я даже не видел ни одного красного гусара поверженным. Потеряв семерых человек, Реден вернулся назад. Храбрая вольтижерская рота решительно пошла навстречу противнику; тот ретировался, вновь повернулся и остановился, но, к сожалению, *вольтижеры вскоре расстреляли свои боеприпасы*. Заметив это, противник становился все смелее, все более теснил вольтижеров, а так как они были слишком удалены от зарослей, чтобы там попытать счастья, то Вурмб сформировал каре».

Детали этого боя подробно описал командир 2-го легкого батальона Л. Бёдикер. «Я получил приказ, - вспоминал он, - выдвинуться с батальоном в стрелки, после чего была также выслана в стрелки на мой правый фланг *вольтижерская рота капитана фон Вурмба из 1-го батальона легкой пехоты*. После того как начался огонь перестрелки, я заметил, что одна *казачья колонна* собирается произвести удар по нашей стрелковой линии, поскольку один казачий офицер неоднократно подъезжал, чтобы посмотреть, не стоит ли в глубине наша кавалерия, после чего вскоре колонна пришла в движение. Я отдал своему батальону приказ, по данному мною сигналу поспешить в близлежащий лесок, что и было сделано. Напротив, капитан фон Вурмб образовал из своей роты каре, чтобы принять удар. Я помчался к нему и, *хотя и не как его командир, но все же как штаб-офицер, отдал ему приказ* последовать моему примеру; *однако тот не принял во внимание моего указания*, и я должен был теперь быть благодарным своей лошади, что сумел добраться до батальона в кустарнике, так как отдельные казаки уже бросились за мной с пиками наперевес. Затем у нас на глазах ротное каре было так стремительно атаковано, что, прежде чем генерал фон Хаммерштайн с двумя вестфальскими гусарскими полками смог поспеть на помощь, эта рота, которая неудачно вся сразу выстрелила, вся была переколота толпой, *причем часть казаков спешила*».

По мнению Гиссе, Вурмб, «полагая, что исходивший от Бёдикера приказ не должен к нему относиться, остался стоять без прикрытия. Но в тот же самый момент он увидел уже совершающуюся атаку. Отступать назад было уже слишком поздно, и все, что он второпях сумел сделать, это собрать свою

растянутую в цепь роту и образовать из нее каре. Если бы он теперь осмотрительно производил огонь шеренгами так, чтобы одна шеренга стреляла вслед за другой, и, благодаря этому, она все время имела в руках заряды из второй шеренги, то он остановил бы эту кавалерию перед собой, и был бы спасен близкой поддержкой. Вместо этого он встретил ее полным огнем взводами и в один раз кончил стрельбу. Казаки, используя эту ошибку, окружили каре еще прежде, чем оно смогло перезарядить, а Вурмб совершил при этом непростительную глупость, выскочив наружу и отрубив саблей руку одному из казаков. В то время, как он на месте искупил своей жизнью этот отважный поступок, часть казаков соскочила со своих лошадей, подступила ко все еще твердо и непоколебимо стоящему каре, колола, стреляла и рубила его без пощады таким образом, что оно покрыло землю рядами, друг на друге, подобно скошенной траве. Результатом одного мгновения были 7 убитых и 89 раненых, большей частью тяжело, среди которых также находились оба лейтенанта». По словам Линсингена, «ни один вольтижер не ускользнул, капитан фон Вурмб был убит шестью ударами пик. Примечательно, что в этом ближнем бою большая часть казаков соскочила с лошадей и сражалась пешиими»). «У нас, - пишет Рюппел, - все скрежетало от этой ужасной сцены и от совершенно бесполезного жертвоприношения столь многих храбрых солдат, которым, во всяком случае, следовало послать подкрепление; раздавались также проклятия [в адрес герцога] Абрантес». Богданович написал, что эта рота была изрублена Мариупольскими гусарами, но все немецкие мемуаристы пишут именно о казаках^{xix}.

«Герцог так и оставался бы равнодушным зрителем этого боя, как и всего сражения, - пишет Оке, - если бы в 4 часа пополудни, когда все еще не последовало никакой диверсии в пользу Нея, не прискакал бы сюда вторично король Неаполитанский, не сделал бы герцогу строжайший выговор и не настоял бы на немедленной атаке. Затем король сам направился к кавалерии, тотчас пришедшей в движение, чтобы воодушевить ее на предстоящую борьбу. Находившемуся во главе полку он сказал: "Я надеюсь, шволежеры, что вы будете настолько же храбры, насколько вы красивы; выгоните мне сейчас этих негодных казаков" и т.д.». Эти слова еще более повысили природную пылкость генерала Хаммерштайна. Сержант Л. Флек ошибочно полагал, что это был Э. Боарнэ, который «проскакал вдоль наших рядов, направился на правый фланг, где пребывал наш корпусной командир, и, побеседовав с нами одну минуту, поскакал дальше. Нам сказали, что герцог д'Абрантес получил от него указание действовать более активно, поскольку он недостаточно сильно атаковал русских».

«В солидной фигуре человека со смуглыми энергичными чертами лица и черной бородой» (может быть, он не успел побриться) капрал гвардейских шволежеров В. Хайнеманн узнал Мюра «по его великолепному театральному костюму и широкой квадратной шляпе, украшенной огромным страусиным плюмажем и бриллиантовой брошью». Конради вспоминал: «Внезапно я увидел прискакавшего к Жюно с немногими всадниками короля Неаполитанского (Мюра), широко известного своей фантастической униформой. Он уже издали махал [рукой], был встречен громким "Ура!", так как мы не сомневались, что теперь дело должно дойти до атаки. Но эта надежда обманула нас. Я видел его, возбужденно говорящего с Жюно, но из-за удаленности не мог понять слов, и затем он ускакал отсюда взбешенный. Наша кавалерия присоединилась к нему и быстро исчезла позади одной возвышенности. Позднее я слышал от очевидцев, что Мюра кричал Жюно: "Что ты делаешь здесь, почему не атакуешь, вперед, вперед, потому что победа лежит на той стороне, она принесет тебе маршальский жезл и т.п.". Но Жюно, казалось, был глухим и слепым и остался стоять, неприступный для всех настоятельных требований». По мнению Лоссберга, «слова Мюра способствовали, вероятно, тому, что он сделал прямо противоположное тому, чего он и все мы желали». Полковник Бернар передал Лоссбергу «слова, сказанные Жюно Тарро: "Лихач (Le Braward) не имел нужды приезжать, чтобы сказать мне это"».

По словам Гиссе, Мюра прибыл в 4 часа^{xx} «Этот герой-рыцарь прискакал сюда в роскошном костюме, громко осыпал герцога упреками за его медлительность и бездействие и потребовал от него немедленно наступать, хотя тот еще не имел никакого приказа для этого. Мимоходом проехав по фронту, он сказал, указывая на неприятеля, ободряющие слова: "Ну что ж, вестфальцы! Если вы настолько же храбры, насколько красивы, прогоните-ка мне этих каналий оттуда", и вновь поскакал отсюда своим путем. Тут немедленно двинулись 3-й легкий пехотный батальон, гвардейские шволежеры и оба гусарских полка и перешли через овраг, находившийся между нами и неприятельской позицией. Впереди нас стрелковую цепь составили вольтижерские роты 1-го легкого пехотного батальона капитана фон Вурмба и 11-го — капитана Бюхера, в то время как обе пехотные дивизии (за исключением нашего 5-го линейного полка, который был назначен прикрывать оставленные на высоте резервную артиллерию, повозки с боеприпасами, казной, продовольствием, санитарный и офицерский багаж) последовали за ними в сомкнутых колоннах. Раздался продолжительный единогласный клич: "Да здравствует император! Да здравствует наш король!"»^{xxi}. Нужно заметить, что Гиссе, оставшийся с полком в тылу, не совсем точно излагает детали этой атаки, путая ее с предыдущей.

Жюно, со своей стороны, попытался представить дело так, что он сам был инициатором этой атаки. «Я занял позицию, - пишет он. - *Я не имел никакого приказа вступить в бой*; я не знал даже, каковы были войска, которые сражались на моем левом фланге, огонь был весьма неспешным; но спустя полчаса, *когда прибыла дивизия Ладена*, огонь возобновился, я сел на лошадь и *с моей кавалерией и двумя батальонами легкой пехоты* перешел через большой овраг, находившийся передо мной, чтобы произвести рекогносцировку поля боя». Заметим, что, по показаниям мемуаристов, *вестфальцы прибыли на исходную позицию к полудню, а дивизия Гюдена была введена в бой в 17-18 часов*, так что Жюно «сокрыл» несколько часов своего бездействия. «Я прибыл, - продолжает он, - на прекрасную позицию позади левого фланга неприятеля; плато, которое отделяло нас от позиции русского арьергарда, было покрыто стрелками и кавалерией; тем не менее, убедившись, что мы были бы полезны для атаки с фронта, прогнав эту тучу стрелков, я велел перейти [плато] моему авангарду, который выяснил, что моя артиллерия должна исправить мост, чтобы суметь перейти; это было исполнено в то время, когда остальная часть VIII-го корпуса взялась за оружие и направилась присоединиться ко мне. В этот момент прибыл король Неаполитанский, который велел мне (*me dit*) атаковать эту кавалерию и пехоту. Я заметил ему, что нахожу мою кавалерию уже достаточно задействованной, что я поспешил, велел перевести мою пехоту и артиллерию, чтобы ее поддержать, и что я надеюсь вскоре очистить от этих стрелков правый фланг генерала Гюдена и кавалерии, который был сильно притеснен. Тогда король сказал мне, что он едет дебушировать со своей кавалерией; хорошо, Сир, - сказал я ему, - мы снова встретимся на равнине».

По словам Окса, вестфальская «кавалерия быстро перешла через овраг и бросилась в атаку, в своем пылу зайдя слишком далеко, пошелонно, не дожидаясь развертывания задних эскадронов. Хотя она далеко отбросила передовые казачьи полки, однако затем натолкнулась на кавалерийскую линию, скрытно стоявшую в отлогой ложбине, которая быстро отбросила вестфальцев и частично охватила их с флангов, так что они после горячей рукопашной схватки вынуждены были повернуть. Полковник фон Хессберг своевременно заметил превосходство неприятеля; поэтому он заранее выстроил 2-й гусарский полк и теперь линией выступил против неприятеля, чем задержал его преследование. Затем на этой стороне атаки, большей частью в линиях, были с успехом возобновлены, и уже полагали, что русские вроде бы начали отступать, когда неожиданно из многих канав и кустов внезапно появилась легкая пехота и сильным огнем причинила вестфальцам значительный урон, в то время как сама она была прикрыта своей кавалерией».

Лоссберг отмечал, что «спустя несколько часов» после атаки легкой пехоты, в 3 часа пополудни «двинулся через дефиле и генерал фон Хаммерштайн с легкой кавалерийской бригадой, вследствие чего произошло несколько кавалерийских стычек, которые также не могли иметь блестящих результатов, так как Жюно оставался праздным зрителем, а генерал Хаммерштайн, хотя лично храбрый и весьма искусный в одиночных схватках, побуждаемый своей горячностью, при выходе из дефиле не образовал длинных кавалерийских линий, а тотчас же бросился в атаку, как только один эскадрон выдвинулся из него. Несколько таких атак, произведенных нашей кавалерией с величайшей горячностью, были отбиты вышедшими им навстречу более длинными линиями русских, которые тотчас же взяли эскадроны с фронта и с обоих флангов, пока, наконец, перешедший дефиле *2-й гусарский полк*, ведомый полковником фон Хессбергом, не *развернулся своими 4 эскадронами в линию* и этим не только восстановил бой, но и вынудил противника отойти назад». По словам Гиссе, «русские, благодаря своей выгодной позиции в кустарниках, отважно сопротивлялись всем атакам, и несколько ударов нашей кавалерии, которая в своем пылу произвела их не с надлежащим построением пошелонно, не имели желанного успеха. Напротив, *гвардейский шволежский полк со своими пиками, на которых развевались бело-голубые флагера, был сильно расстроен казаками*, которые гораздо искуснее и сильнее умели действовать своими длинными копьями». По словам Хайнеманна, попавшего в этом бою в плен, гвардейские шволежеры сражались с казаками и русскими «зелеными гусарами». Линсинген заметил, что «наш *шволежский полк также был атакован казаками*, едва он построился. Ему пришлось бы очень плохо, если бы

генерал Хаммерштайн не появился вовремя с обоими гусарскими полками, и казаки были полностью отброшены^{xxii}.

По словам Рюппела, после уничтожения роты Вурмба прошло довольно много времени. «Лишь когда увидели на большом удалении, что из упомянутой березовой аллеи выступила значительная колонна кавалерии, которая в прекрасном порядке галопом перешла из колонны в линию и с обоих флангов была прикрыта артиллерией, наша бригада получила приказ тотчас перейти через дефиле и опрокинуть русскую кавалерию. *Шволежеры гвардии первыми перешли на ту сторону*, но поскольку, как сказано, путь вниз и снова вверх был чрезвычайно плохой и крутой, то было потеряно много драгоценного времени, и полки прибыли для построения на поле боя лишь по отдельности друг за другом. Прежде чем прибыл наш полк, *храбрые шволежеры гвардии и 1-й гусарский полк провели уже две атаки, не имевшие никакого результата*, но стойвшие многих людей.

Взбираясь на возвышенность, мы слышали только ужасный шум, который то приближался, то удалялся. Наконец, забралась также и мы на высоту, ограниченную несколькими деревьями; нам навстречу шли уже многие легкораненые, а вдалеке виднелись лежащие разбросанными на земле шлемы, кивера, сломанные пики и оружие всех видов. Мы прибыли как раз вовремя, чтобы освободить другие полки от ожесточенно преследующего неприятеля. Полковник фон Хессберг велел эскадронам построиться и развернуться галопом; это было исполнено с точностью, как на учебном плацу, под очень жестоким огнем пушек, который убил у нас многих лошадей. После того как оба других полка через левый и правый наши фланги зашли за наш полк, наши трубачи затрубили к атаке, и *мы обрушились на серый Сумский гусарский полк* как раз в тот момент, когда он совершал поворот. Так как сабельные удары по неприятельским кавалеристам, защищенным сзади их толстыми тяжелыми гусарскими ментиками, не приносили успеха, то мы использовали наши острые сабли только для того, чтобы колоть, и некоторые гусары упали с лошадей, если даже большинство, хотя, вероятно, тяжело раненные, остались сидеть на своих летящих в карьер лошадях. Мы сидели у них на шее так близко, что почти составляли одну линию вперемешку с задней шеренгой противника.

Я уже сделал два укола одному сумскому гусару, скакавшему почти рядом со мной, однако он не упал; напротив, он рванул в первую шеренгу и даже еще за нее. Я потерял его из виду, а моя очень разгоряченная рыжая лошадь почти обессилела; я находился почти в первых неприятельских рядах, когда рядом с моим левым ухом просвистела пуля, а сбоку на меня обрушились два сабельных удара, но мой свободно висевший ментик сделал их бесполезными. Это заставило меня остановить пылкий скак моей лошади, и это было очень своевременно; потому что затрубили к отступлению, так как теперь нашим флангам угрожал приближающийся галопом *Ахтырский гусарский полк*. Итак, мы сделали поворот направо и понеслись назад *ventre à terre*^{xxiii}, а позади нас — *коричневые ахтырцы*. При этом отступлении мы получили несколько залпов от русской легкой батареи, которые убили у нас много людей. В ужасной пыли, которая окутала всех, нельзя было точно разглядеть ничего, что лежало на земле, но по более частым прыжкам, которые делала моя лошадь, я мог заключить, что там было много павших.

Лишь после того как мы вновь прибыли на одну высоту с обоими другими нашими полками, мы остановились и вновь построили фронт, и лишь теперь, когда пыль улеглась, смогли узнать положение дел. *1-й гусарский полк обрушился на коричневых гусар, которые преследовали нас*, и плотно сели им на шею. Многие гусары, будучи рассеянными, теперь прискакали сюда, большая часть из них была ранена; у одного вахмистра лицо было горизонтально рассечено от одного уха до другого, я не узнал его. Бригадир по имени Цвинкау еще нес воткнутое между плечами железное острие казацкой пики, тогда как древко было отломано. Вахмистр Хюнерсдорф из Касселя получил стрелу в правое плечо; вероятно, острие было отравлено, так как через несколько часов Хюнерсдорф умер. В русской армии находились как башкиры, так и калмыки, которые были вооружены луками и стрелами. Лошади, лишившиеся всадников, бегали вокруг и часто весьма затрудняли движения. Мимо нас также тащили премьер-лейтенанта Закка из шволежеров гвардии; шатающийся офицер предчувствовал свой конец, пуля пробила его тело и вошла в мочевого пузырь.

1-й гусарский полк и шволежеры гвардии теперь снова прибыли на свое прежнее место, мы стояли на левом фланге бригады. Неприятельская линия, значительно усиленная, далеко охватывала нас с флангов, и если бы она энергично атаковала, то могла бы сбросить нас в лежащий позади овраг; но кажется, что противник не знал местность. Храбрый генерал фон Хаммерштайн провел все атаки последовательно, и даже теперь, когда мы вновь отступили, а противник был совсем близко, он гарцевал вокруг бригады, чтобы

вызвать на бой какого-нибудь неприятельского смельчака. Один таковой явился, офицер на великолепном коне: он имел с собой казачью пику, каковые имеет первая шеренга всех русских гусарских полков, проскакал несколько поворотов вокруг генерала и разрядил в него свой пистолет, но это оказалось бесполезным. Хаммерштайн на большой турецкой белой лошади, имея в руке свой широкий боевой меч (Schlachtschwert), спокойно ожидал этот выстрел; но теперь он бросился на своего противника и рассек его кивер и голову до плеч, так что он как мешок упал на землю, в то время как Хаммерштайн останавливал свою лошадь. Наши гусары приветствовали его громкими криками "Браво". Хаммерштайн отдал лошадь одному гусару, чтобы отвести ее за фронт, и сказал: "Лишь немного решительности, и человек может получить все!". При различных атаках полков также весьма отличились ротмистры фон Бокк, фон дер Буше и фон Бойнебург, а также старший адъютант фон дер Малсбург...

Тем временем мы вновь двинулись вперед под жестоким огнем орудий; наша полковая музыка, во главе которой ехал отличный капельмейстер Клинкхардт, играла великолепный марш, для многих - марш смерти. Но вскоре зазвучали фанфары, мы пустились в галоп и затем в карьер, и еще раз двинулись против серых сумских гусар, у которых мы все же на этот раз, хотя мы рубили и кололи, сбили меньше солдат, чем в первый раз. При помощи своих превосходных лошадей они получили преимущество, а их артиллерия, выставленная на флангах, действительно обстреляла нас; это стоило нам людей и лошадей. Хессберг велел трубить отступление, которое было проведено в величайшем порядке, причем нас не побеспокоили; примерно в 600 шагах мы вновь построили фронт. Между тем позади нас выехала *польская полубатарея*, чей слабый огонь совсем не беспокоил русских; там же разместилось *подразделение 11-го уланского полка*. Мы имели неприятельскую линию прямо перед собой и настолько близко, что они обстреливали нас из карабинов. Наши люди захотели им на это ответить, хотя это было запрещено». Ротный шорник Халлеко выстрелил из-за спины Рюппела, так что вызвал боль в его правом ухе. Рюппел стоял впереди 8-го взвода, т. е. посредине своего полка.

«Орудийный огонь, докучавший нашему полку, — продолжает Рюппел, - исходил от батареи на правом неприятельском крыле и брал нас в левый фланг; он был очень жестоким, и в шеренгах весьма беспокоились; я слышал многие хорошо известные проклятия, сопровождавшиеся сабельными ударами плашмя, которые старый вахмистр Грош, бывший гусар Блюхера, во второй шеренге крепко поддавал разволновавшимся молодым гусарам. Внезапно я услышал позади себя некое движение, и моя лошадь получила сильный удар от прямо позади меня стоявшего [солдата]; я повернулся, чтобы посмотреть на моего бедного ротного шорника Халлеко, но увидел лишь наклоненное вперед окровавленное туловище, представлявшее ужасный вид. Это же ядро оторвало правое плечо гусару Шультцу, ехавшему позади него. Вахмистр Грош вывел обеих лошадей из строя и позади фронта вывалил из седла тела».

Через мгновение 12-фунтовое ядро пробilo ташку Рюппела и брюхо его лошади. А между тем «мой полк сделал поворот направо по четверо и понесся галопом назад. Я оказался в очень затруднительном положении; я видел наступающую русскую линию, и потому имел время лишь на то, чтобы вынуть из ольстр оба моих пистолета и, бросив чемодан и шинель, поспешить к своему полку. Учитывая удаление противника, я мог бы даже спастись, но я заметил отдельный отряд, вероятно из стрелковой цепи, который зорко следил за мной и быстро преследовал меня. Два человека, вооруженные один пикой, другой саблей, вскоре настигли меня. Они крикнули мне: "postoi!, Franzus!" - теперь дело идет о том, подумал я, чтобы достать свою саблю и выстрелить из одного пистолета в гусара с пикой. Он дал осечку, но я ударил его лошадь с такой силой по голове, что она встала на дыбы и отвернулась. В другого, молодого офицера, я выстрелил из второго пистолета, но пуля пролетела мимо. Он нанес мне очень сильный удар, я удачно парировал его, но лагунная гарда моей сабли была разбита, и мой кулак тяжело поврежден; одновременно я получил сзади удар пикой, который с такой силой пробил кожаное окаймление моего кивера и находившийся внутри него *bonnet de police*, что я свалился, как убитый»^{xxiv}. Очнулся Рюппел уже в плену.

Богданович писал, что вестфальская кавалерия «опрокинула казаков на стоявший за ними Сумский гусарский полк и привела его в беспорядок; но вслед за тем граф Орлов-Денисов с Мариупольскими и Елисаветградскими гусарами ударил во фланг неприятелю и, производя постепенные атаки линиями,

проходившими одна через другую, не позволил французской кавалерии развернуться против левого крыла нашей позиции». «Еще долгое время, - замечает Оке, - генерал Хаммерштайн со своими тремя полками бился с переменным успехом против втрое превосходящего неприятеля и пытался удержать отвоеванное пространство, так как он в тот момент рассчитывал на поддержку пехоты и многократно ходатайствовал об этом у герцога. Однако тот оставался стоять на высоте недалеко от деревни Мартино (Martino) и выслал только одну батарею, но пехоте приказал сформировать несколько каре. *Генералы Тарро и Оке объясняли ему необходимость поддержки атаки, но герцог, почувствовав себя очень оскорбленным из-за выговора короля Неаполитанского, был не в состоянии принять какое-нибудь решение. Едва ли возможно разгадать такое поведение командующего генерала; то, что в основе его лежали не только упрямство и отсутствие полководческого таланта, но и личная осторожность,* доказывает следующий его ответ генералу Оксу: "Каким образом Вы, генерал, хотите, чтобы я продвинулся еще дальше? Пули долетают даже до меня"».

Старший офицер-ординарец императора Г. Гурго писал, что «Наполеон возвратился в пять часов вечера в свою Главную квартиру, посчитав день законченным. Но, прежде чем оставить эту позицию, он послал к королю Неаполитанскому своего офицер - ординарца Гурго, под начальство которого он поставил нескольких офицеров (среди прочих г. Роана Шабо). Он поручил ему следовать за атакой, которая имела место на Московской дороге, и координировать движения маршала Нея, короля Неаполитанского и герцога д'Абрантес. Этот офицер должен был послать императору рапорт о бое... Несмотря на просьбы короля Неаполитанского, несмотря на *приказы и инструкции императора, которые были сообщены ему офицером-ординарцем,* Жюно ни за что не хотел направиться на дорогу в тылу русских. Кажется, что этот генерал, давший столько доказательств самой блестящей храбрости, уже испытывал проявления той болезни, от которой он умер некоторое время спустя. Офицер-ординарец, видя, что генерал не хочет исполнять приказ, который он ему доставил, сказал ему: "Господин герцог, что я должен сказать императору?". Герцог д'Абрантес был окружен своим штабом и, кажется, сильно удручен. Он ответил с досадой: "Вы скажете, монсир, что я занял позицию, поскольку наступила ночь". Офицер-ординарец возразил, что *еще около четырех часов дня,* что маршал Ней много претерпевает в атаке, которую он вынужден производить по фронту; все эти настоятельные просьбы оказались бесполезными; герцог д'Абрантес не хотел делать никакого движения».

По словам Е. Сангушко, Жюно, «несмотря на неоднократные приказания императора, переданные ему через генерала Паца, не хотел двинуться вперед под предлогом, что кустарник на его фланге скрывает русских и не позволяет ему вступить в бой под вечер». Б. Кастеллан записал в дневнике, что «Жюно упорно принимал изгороди за массы русских, которые будто бы мешали наступать, и, несмотря на то что ему доказывали противное, ни за что не хотел двинуться вперед»^{xv}.

«В то время как король возвратился к своей кавалерии, - пишет Жюно, я ясно увидел возвращение на дорогу двух сильных колонн русской пехоты и большой колонны кавалерии, что помешало мне продолжить движение на мой правый фланг, чтобы обойти заполненный болотами лес, находившийся слева от позиции неприятеля; моя пехота с трудом перешла небольшой, но очень плохой овраг в колонне по одному, а моя кавалерия и два батальона легкой пехоты были уже достаточно выдвинуты вперед, когда *прибыл король Неаполитанский во главе дивизии Брюйера.* Эта кавалерия вперемешку с нашей пехотой перешла [овраг] и направилась вступить в бой *позади моей кавалерии,* которая, будучи подкреплённой, несколько раз мощно атаковала неприятеля *по приказу, который я ей направил.* В течение этого времени *моя пехота построилась в батальонные каре с резервом,* прикасавшимся к лесу; завязался огонь между нашими стрелками, мы двигались в порядке, опережая кавалерию короля, и прибыли на возвышенность, которая доминировала над небольшой долиной, тогда наполненной стрелками, пехотой и кавалерией всех родов. *Моя кавалерия произвела несколько атак, при том, что кавалерия короля даже не взяла сабли в руки. Один единственный эскадрон 8-го [полка], прибыв первым на эту сторону оврага, произвел одну атаку* в момент, когда остальные вступали в сражение. По правде [сказать], *короля больше не было там,* он покинул нас в момент, когда мы вступили на плато».

Вопреки откровенно «антикоролевской» направленности данного пассажа, в атаках на русские войска участвовали и другие полки дивизии Брюйера. Так, лейтенант 9-го шволежержского полка К. Ведель вспоминал: «Как только мы заняли место в боевом порядке, эскадрон, при котором я состоял, получил приказ прогнать стрелков русских егерей, которые своим огнем докучали нашей линии. Когда мы бросились на них, они бежали в одну кучу и составили неправильное каре, которое защищалось с большим мужеством, так что наши люди смутились. Тогда шеф эскадрона Дезеффи выхватил из рук

одного улана пику, метнул ее как дротик в каре, пришпорил свою лошадь и ринулся в середину неприятельской толпы; эскадрон последовал за ним, и в одно мгновение все было смято лошадьми. Один офицер хотел спастись в ближайшем кустарнике, я догнал его, взял в плен и позаботился, чтобы один законопослушный улан отвел его назад». Линсинген уверял, что теперь и *«наш батальон двинулся вперед в каре, выслав вольтижеров в качестве стрелков. Вой казаков при атаках подобен звериному реву. Сражение происходило в кавалерийских атаках; помимо нашей вестфальской кавалерии, было несколько французских кавалерийских полков, пришедших с королем Неаполитанским!»*^{xvi}.

Возможно, к этому моменту боя следует отнести следующие строки из воспоминаний Кролмана: «Наш батальон прошел дальше отрезок пути между кустарниками и изгородями, когда при выдвигании из этой местности следующая [местность] оказалась покрытой войсками, и вскоре со всех сторон началась оживленная канонада. Наш батальон двигался перед левым крылом развернувшихся войск. Русские орудийные ядра пролетали через нас. Музыка была еще недалеко позади батальона. В ружейный огонь вмешалась артиллерийская канонада, земля дрожала под ногами от сотрясений. Это длилось еще некоторое время. Я был почти оглушен этим и видел прямо перед собой только батальон, который постоянно вел огонь. Неожиданно *образовалась каре*. Музыка была поставлена внутрь; теперь медленным шагом отошли. Под ужасным и бешеным грохотом я чувствовал себя, как в машине, задвинутом в очень ограниченное пространство, и думал только о все разрушающих орудийных ядрах, которые могли пронзять наш прекрасный батальон в столь тесно сжатой массе. Наконец, мы вновь остановились, батальон развернулся и вновь двинулся вперед. "Музыка, назад!", - с этим приказом наш командир проскакал мимо».

Примерно в это время Барклай приказал генералу П.Н. Чоглокову с Перновским и Полоцким пехотными полками и ротой конной артиллерии усилить кавалерию, действовавшую на левом фланге. Кексгольмский же пехотный полк расположился правее 1-го кавалерийского корпуса, на высоте в роще. В это же время Орлов-Денисов, заметив, что неприятельская кавалерия двинулась правее леса и кустарника, «приказал всем своим четырем линиям завернуть левый фланг назад и, сократив, таким образом, протяжение фронта между двумя болотами, получил возможность отделить часть войск в резерв. Елисаветградский полк стал в колоннах за правым флангом, а два эскадрона Изюмского гусарского полка и один из казачьих полков - за левым флангом боевых линий». Полоцкий полк встал на правом крыле, а Перновский, построившись в каре, занял место в центре. 16 орудий были поставлены на пригорке за правым крылом первой линии.

Генерал Оке «решился еще раз сделать герцогу предложение разрешить по крайней мере ему самому с несколькими батальонами своей дивизии *направиться на левый фланг*, чтобы прогнать противника из расположенного впереди леса, который прикрывал правый фланг позиции неприятельской кавалерии. Поскольку герцог д'Абрантес согласился на это, генерал Оке перешел овраг *с егерями-карабинерами и гвардейскими егерями*. С первым батальоном он атаковал лес, который некоторое время упорно защищала находившаяся в нем легкая пехота, но под сильным давлением она отступила. В этом лесу были застрелены находившиеся во главе егерско-карабинерного батальона (его командир) подполковник фон Хессберг и лейтенант фон Хоенхаузен. После занятия этого леса генерал Оке заметил, что лежащий далеко позади лесок также занят противником и сохраняет связь между обоими неприятельскими корпусами. Поэтому он приказал генералу Легра с гвардейскими егерями и несколькими орудиями атаковать и захватить этот лесок, что и было исполнено». Лоссберг уточняет, что «Жюно двинул через дефиле карабинерский батальон под командой дивизионного генерала фон Окса, а некоторое время спустя также выдвинул еще гвардейский егерский батальон под командой генерала Легра, так как первый [Оке. - А.П.] обратил его внимание на то, что это требуется для установления нашей связи с Неем; после чего оба генерала очистили от неприятельских войск многие заросли, лежащие между нами и Неем». Сержант егерей-карабинеров Флекк вспоминал: «Мы были встречены ужасным ружейным огнем, который причинил нам большие опустошения, пока нашей артиллерии не удалось поддержать нас, а наша кавалерия не смогла врубиться в плотно сомкнутые ряды русских. Весь день продолжался очень сильный огонь».

«Теперь генерал Оке, - писал его биограф, - велел сообщить герцогу, что он имел счастье захватить этот лес, который до этого прикрывал русский правый фланг; а поскольку он тотчас через гвардейских егерей вступил в связь с корпусом маршала Нея, то герцог мог бы теперь без малейшего опасения выдвинуть вперед для поддержки кавалерии пехоту и артиллерию. Герцог д'Абрантес послал теперь к кавалерии *четыре вольтижерские роты 2-го и 6-го линейных полков*^{xvii}, и они атаковали неприятельских стрелков; генерал Алликс велел вывезти батареи, которые причинили противнику большой урон; кавалерия снова пошла вперед и, таким образом, *около 8 часов вечера* русские были вытеснены с поля боя». По мнению Лоссберга, «Жюно посчитал наконец свою дневную задачу

завершенной тем, что он послал генералу Хаммерштайну, который выстроился на отвоеванной местности, еще *вольтижерские роты 2-го и 6-го линейных полков*, которые совместно со *2-м легким батальоном* вели стрелковый огонь по неприятельским стрелкам, которые прибыли незадолго перед тем и особенно докучали нашей легкой кавалерии». По словам Гиссе, «успех все же склонился на нашу сторону, как только гвардейский егерский батальон, отборные егеря-карабинеры, вооруженные нарезными ружьями, и вольтижерские роты 2-го и 6-го линейных полков усилили боевые ряды. Егеря-карабинеры потеряли своего любимого командира подполковника фон Хессберга. Наряду с этим наша артиллерия развила величайшую деятельность. Поскольку между тем также развернулись в линию обе подоспевшие колонны и с этой стороны успешно возобновили атаки, то русские увидели себя вынужденными к отступлению».

«Около 8 часов, - отмечал Лоссберг, - слышны были последние выстрелы впереди нас, и мы в построении каре (Риагтёе51е1ип§) располагаемся на ночлег на том же месте, где мы с *полудня* провели в *бездействии*. Потери наших легких войск, особенно в полку гвардейских шволежеров и в батальоне карабинеров, довольно значительные, но и неприятелю мы причинили значительный урон нашей артиллерией, искусно расположенной генералом Алликсом, что доказывается множеством убитых людей и лошадей, оставшихся на поле сражения». По уверению Линсингена, «русская артиллерия стреляла плохо, беря слишком высоко. Наша артиллерия стреляла с очевидным успехом и вскоре заставила русские орудия замолчать». По его словам, русские начали отступление в 9 часов вечера.

«Прибыв на возвышенность, - писал Жюно императору, - я посчитал это место удобным для размещения батареи, которая должна была произвести действие. Я велел *выдвинуть восемнадцать орудий*, и в одно мгновение, с помощью наших стрелков и нашей кавалерии, мы очистили правый фланг дивизии генерала Гюдена от этих многочисленных стрелков, которые наносили ему столько вреда. Мы не могли двигаться прямо на позицию арьергарда, болотистый лес препятствовал нам; следовало его обойти через наш правый фланг, но, Сир, могли ли мы сделать это движение перед лицом усиленных войск, которые прибывали с дороги и уже прибыли; мы удержались, таким образом, на нашей позиции, *имея кавалерию короля позади себя*, и мы заночевали на поле боя, покрытом убитыми русскими».

Правда, вслед за Орловым-Денисовым отечественные историки завершают описание этого столкновения в более мажорной для российских войск тональности. Так, Богданович писал, что расположенная здесь русская батарея из 16 орудий, «допустив неприятеля на картечный выстрел, открыла частую канонаду, усиленную огнем Полоцкого и Перновского полков. Неприятельские войска были отражены с большим уроном и преследованы к селению Гумничину Сумскими гусарами и казаками», и «в 8 часов вечера на левом нашем крыле бой прекратился совершенно»^{xxviii}.

«Эта упорная атака, - считал Оке, - хотя и привела вечером к победе, могла бы нанести русским еще больший ущерб, если бы герцог д'Абрантес организовал серьезное преследование, так как русский левый фланг... вынужден был отступать по очень плохому, пересеченному болотами пути... Однако герцог довольствовался захватом поля боя, остался здесь стоять и приказал расставить вокруг пикеты». По свидетельству Гиссе, русские провели отступление «en échiquier (в шахматном порядке), с порядком, спокойствием и точностью, как на учебном плацу. Чтобы добраться до большой Московской дороги, они перешли болотистую равнину, через которую вел лишь один единственный, узкий проход. Все наши батареи были вывезены на гребень возвышенности и, поскольку обращенные в бегство русские колонны столпились перед этой тесниной, а с этой стороны орудия извергали на них смерть и погибель, это произвело среди них замешательство, которое было скрыто только благодаря слишком рано для нас наступившей ночи. Потери русских были ужасны; люди и лошади лежали нагроможденными друг на друга. А если бы герцог д'Абрантес обладал талантом, которого следует ожидать от любого генерала, а *полуденные часы, праздно проведенные нами*, были бы использованы для того, чтобы занять эту теснину, находившуюся в тылу неприятельской позиции, как это было заложено в наших стремлениях, то весь неприятельский арьергард был бы отрезан от главной армии и был бы вынужден сдаться вместе со всем своим багажом».

Линсинген пишет: «Мы расположились биваками в каре на поле сражения. Вечером мы пытались помочь многочисленным русским раненым -тяжелое дело, так как столь многих невозможно было транспортировать. Эти бедняги были оставлены лежать и умирать там, где они лежали. В конце концов силы покинули нас, и мы спокойно заснули на поле опустошения посреди стонов и жалоб раненых и умирающих». «Армейский корпус герцога д'Абрантес, - вспоминал Бёдикер, - всю ночь напролет оставался стоять в каре на поле боя. На следующее утро дивизионный генерал фон Оке послал меня с 300 человек на рекогносцировку в направлении, в котором русские предприняли свое

отступление. Здесь я обнаружил, что русский армейский корпус, который противостоял нам, примерно в получасе [пути] от поля боя вынужден был с величайшим трудом пробираться через трясины, чтобы последовать за своей главной армией. Орудия были сняты с лафетов и поштучно переташены по искусственной дамбе из вязанок хвороста, великое множество лошадей застряли по шею в болоте, и многие раненые были оставлены лежать в плачевном состоянии. Хотя по моему донесению об этом высшие начальники явились на место, все же предоставившийся благоприятный момент был упущен». Заканчивая свое письмо к императору, Жюно заявил: «Ваше Величество увидит из этого *достоверного рапорта*, что VIII-й корпус *один* овладел позицией на левом фланге неприятеля, которую он удержал *без помощи другой кавалерии*, кроме той, что примкнула к нашим гусарам, которые, все еще увлеченные первым успехом, прибывали разьединенными на большие массы»^{xxix}.

«Вестфальские войска, - пишет Оке, - из которых в сражении участвовали только три полка легкой кавалерии, гвардейские егеря, егеря-карабинеры, часть легкой пехоты, несколько вольтижерских рот и две батареи, показали в этом первом крупном бою наилучший дух и сражались с мужеством и неустрашимостью. Потери пехоты состояли из уничтоженной вольтижерской роты 1-го легкого батальона, но помимо этого были весьма ограниченными»; бригада легкой кавалерии «потеряла более 200 человек; особенно пострадали гвардейские шволежеры, которые имели 1 убитого и 7 раненых офицеров, 36 убитых, 93 раненых и 5 пленных унтер-офицеров и солдат, а также более 100 убитых и раненых лошадей». По словам Флекка, егеря-карабинеры потеряли двух офицеров и 91 солдата. Линсинген уверял: «Наши потери были незначительны... Наш батальон имел только 1 убитого и 11 раненых». По словам Гиссе, всего корпус потерял 350 человек, в том числе 16 офицеров. Жюно написал 20 августа жене, что потерял 500 человек, а императору 3 декабря - «около 700 человек». Супруге он сообщил: «Я был-таки доволен моими молодыми солдатами... Особенно прекрасно они провели *двенадцать кавалерийских атак*». «В нашем корпусе, - записал Лоссберг, - также насчитывают около 300 убитых и раненых... Я особенно жалею о смерти подполковника Хессберга, командира нашего карабинерского батальона». По словам другого очевидца, «всеобщее сочувствие вызывали пятеро братьев фон Хессберг, младший из которых был в чине капитана, все прочие – штаб офицеры; они похоронили своего шестого брата»^{xxx}. По нашим подсчетам, Жюно ввел в дело всю свою легкую кавалерию, 4 батальона легкой пехоты из 18 и 18 орудий из 34, хотя по условиям местности в данном районе именно последние два рода войск могли окончательно решить исход боя.

«После закончившегося боя, - вспоминал Вагнер, - мы разбили в стороне от поля боя лагерь, в котором оставались стоять до 21 августа. В течение этого времени по приказу дивизионного генерала фон Окса нами были погребены убитые с обеих сторон». «Наш армейский корпус, - писал Линсинген, - оставался на поле боя до 24 августа; ему была поручена печальная задача очистить его. Особенно тяжелыми были для нас лошадиные падали». 22 августа Лоссберг «проехал по местности, где сражались генералы фон Хаммрештайн, фон Оке и Легра», а 23-го записал, что Наполеон «раздал много орденов, из которых, однако, ни один не попал в наш корпус; император, по-видимому, оплачивает за то, что сам поставил над нами столь незначительного человека». «Наполеон издал дневной приказ, - вспоминал Конради, - в котором поблагодарил все корпуса за их храбрость и самопожертвование, и вручил многочисленные повышения в чине и награды. Лишь вестфальцы не были упомянуты ни единым словом и ничего не получили». Он заметил ехидно, что лишь «для погребения мертвых мы были достаточно пригодны»^{xxxi}.

Сержант Флекк никак не мог решить для себя, «был ли Жюно не прав, но насколько я знаю, наш батальон атаковал достаточно сильно, а также имел значительные потери, а что касается уничтожения русских, то я почти не понимаю, как можно было совершить более того, что было сделано, так как вся дорога, на которой стояли русские, была покрыта телами так, что из-за этого множества трупов мы едва могли идти дальше». Солдата можно понять, он судил о ходе боя, так сказать, «из своего окопа», но все офицеры и генералы вестфальского корпуса единодушно осуждали поведение Жюно.

Лоссберг записал после боя: «Большая инертность и бездеятельность нашего войскового командира у всех на устах», «даже сами дивизионные генералы Тарро и фон

Оке не могли более сдерживать свои мысли о поведении Жюно. Первый сказал в моем присутствии полковнику Бернару, что он также не мог понять его бездеятельность и потому посчитал своим долгом обратить его внимание как на это, так и на хороший дух войск, которые поэтому стремились принять деятельное участие в борьбе». Лоссберг считал, что «трусость, как повод к поведению Жюно, о чем говорили даже высшие, приближенные к нему офицеры, кажется мне невероятной для этого человека, который раньше привлек внимание Наполеона своим хладнокровием под жесточайшим огнем... но я разделяю мнение всех тех, кто говорил, что для армейского корпуса было настоящим несчастьем потерять Вандамма и за это получить командующим генералом Жюно». Наблюдая несколько дней поле боя, Линсинген констатировал: «Всем нам стало совершенно очевидно, через какое тяжелое дефиле на Московской дороге мы позволили русским беспрепятственно уйти. Мы легко могли бы преградить отступление всему неприятельскому арьергарду, или даже всему корпусу великого князя Константина, если бы своевременно и решительно пошли в наступление. В том, что мы слишком поздно пришли к делу при Смоленске, может быть виноват еврей, но в том, что 19-го мы не предприняли решающего удара против русских, в этом, господин герцог, вину с вами не разделит ни один человек».

Наполеон также был крайне недоволен Жюно, который, по словам Окса, «получил поэтому в армейском бюллетене справедливое порицание; в первом негодовании император, будучи убежден, что герцог д'Абрантес не способен командовать армейским корпусом, отдал приказ об его увольнении; но *по многократным ходатайствам своих друзей*, находившихся в ближайшем окружении Наполеона, он все же сохранил командование корпусом». Узнав об отговорках Жюно, император сказал: «Если бы я был Жюно, я лучше бы пустил себе пулю в лоб». А. Коленкур пишет, что император был очень сердит «на герцога д'Абрантес, который не действовал на сей раз с той энергией, которую он проявил во многих других случаях. *Князь Нёвшательский, герцоги Истрийский и Эльхизгенский упрекали его* в том, что движения его были недостаточно быстрыми. Со своей стороны, *герцог д'Абрантес*, корпус которого состоял из иностранных войск, *возражал, что он был вынужден двигаться сомкнутой колонной, чтобы не подвергаться риску, а кроме того, его движение было замедлено препятствиями, вынудившими его уклониться вправо. Как уверяли князь Нёвшательский и Неаполитанский король*, этих препятствий в действительности не существовало. (Я напоминаю здесь разноречивые доклады, которые были сделаны императору...)

Жюно, - повторял он с горечью, - упустил русских. Из-за него я теряю кампанию. В первый момент он добавлял к этому упреку суровые выводы и угрозы; но, по обыкновению, воспоминание о прежней хорошей службе Жюно взяло верх над мыслью о его теперешних ошибках, и недовольство императора осталось без последствий». Наполеон спросил Гурго, «почему Жюно не выполнил приказ, который был ему отдан. Офицер рассказал о том, что произошло. Тогда император велел прийти Бертье и сказал ему: "Кажется, что Жюно более не способен, он не захотел обойти русскую позицию. Это причина того, что мы имели столь кровопролитное дело, что мы потеряли Гюдена. Я не хочу более, чтобы он командовал вестфальцами; он должен быть замещен Раппом, который говорит по-немецки, и хорошо ими командует". Князь Нёвшательский написал приказы относительно этой замены, но в последующие часы *гофмаршал Дюрок и другие старшие офицеры, старые товарищи Жюно, сумели смягчить Наполеона*, и этот генерал сохранил свое командование».

Сам генерал Ж. Рапп, прибывший в Главную квартиру лишь 21 августа, вспоминал: «Наполеон посетил места, где происходил бой. "Узел битвы был не у моста, а вон там, в деревне, где должен был выйти восьмой корпус. А что делал Жюно?". *Король Неаполитанский попытался смягчить его вину*. Он ссылаясь на численность неприятеля, на препятствия, пустил в ход все обычные доводы... *Бертье, всегда любивший герцога, принял в нем участие. Коленкур со своей стороны тоже. Все по мере возможности говорили в защиту храбреца*, которого можно было упрекнуть лишь в минутной растерянности. Правда, из-за этого мы потеряли весьма большие преимущества. Наполеон призвал меня к себе. "Жюно теперь окончательно утратил все шансы на маршальский жезл. Я назначаю вас командиром вестфальского корпуса: вы говорите на их языке, вы подадите им пример и *заставите их сражаться*". Я был польщен этим доверием и высказал ему это; но ведь Жюно был все же покрыт ранами... *Я просил императора забыть одну минуту его*

рассеянности во внимание к двадцатилетнему мужеству и преданности. "Из-за него русская армия не сложила оружия: ведь это может мне помешать пойти на Москву. Примите командование над вестфальцами". Тон, каким он произнес эти слова, был уже значительно более мягкий. Заслуги бывшего адъютанта заставляли легче относиться к бездействию, проявленному восьмым корпусом... Я покинул Наполеона, чтобы сообщить князю Нёвшательскому и герцогу Виченцкому о немилости, грозившей Жюно. "Мне крайне тяжело, - сказал мне князь, - что его лишают командования; но я не могу не сознаться, что из-за него не удалась самая лучшая операция за всю кампанию. Вот от чего зависят успехи на войне: от забывчивости, от минутной рассеянности и растерянности... Ведь ни у кого нет такой отваги, таких способностей. Воинские качества соединяются в нем с обширными познаниями; он неустрашим. Умен, приветлив и добр. Он забылся на час, а врагов у него много. Впрочем, я поговорю с Коленкурром".

Оба действовали настолько успешно, что Жюно сохранил за собой командование; я был очень доволен этим, во-первых, потому, что лишение командования было бы для него ударом, а во-вторых, потому, что для меня не было большой радости в его солдатах. К несчастью, неукротимость и пылкость юных лет сменились у него усталостью». Сам Жюно был крайне раздражен тем, что император хотел передать его корпус Раппу, но о последнем сказал: «Если он не взял его, так это потому, что благородная душа его не хочет обирать друзей.. Но обобрать хотели!». По замечанию Л. д'Абрантес, оба генерала по характеру были очень похожи, но «Жюно отличался от Раппа своим высоким ростом и благородством вида и обращением»^{xxxii}.

Для того чтобы точнее определить причины «необъяснимого» поведения Жюно в 1812 г., необходимо вспомнить о его ранениях. Впервые он был ранен саблей в голову в 1792 г., в августе 1796 г. он был тяжело ранен шестью сабельными ударами, один из которых разрубил ему левый висок. В январе 1811 г. в Испании пуля поразила его в нижнюю часть лба и почти обнажила мозг; эта рана временами вновь открывалась, и сильные кровоизлияния сопровождалась невыносимыми болями. Эти ранения повлияли на характер генерала, вызывая почти постоянные приступы раздражительности. По признанию супруги, «Жюно несколько не потерял своих умственных способностей, но был в каком-то странном состоянии.. Часто он оставался в усыплении целый день, а ночью совершенно не мог спать». По словам очевидцев, это был уже не прежний красавец, а «толстый человек со сгорбленной спиной, с поглупевшим и отталкивающим лицом», одетый с небрежностью в скверный сюртук; «судя по внешности, это был человек лет 40, белокурый и приземистый. Судя по чертам его лица, его никак нельзя было принять за француза. Говорил он хорошо, но, особенно как солдат, не обладал внушающей доверия наружностью». Наполеон признавал, что Жюно «в последнее время хотел быть маршалом. У Валутино он уже был сумасшедшим». В 1813 г. прогрессирующая болезнь довела генерала до самоубийства^{xxxiii}.

Завершая описание данного сюжета, Нечаев задался «естественным вопросом, от кого вообще могла пойти версия о том, что Жюно устранился от выполнения боевой задачи? Только от того, кому она выгодна лично, кто хотел переложить на простодушного Жюно часть своей ответственности». Поскольку, по мнению Нечаева, историков «в какой-то личной заинтересованности при всем желании упрекнуть невозможно», этим злопыхателем мог быть «только непосредственный участник сражения, только француз, только человек близкий к Наполеону и способный хотя бы в какой-то степени влиять на него. Таким человеком вполне мог стать Иоахим Мюрат». Итак, «козел опущения» найден! Но такой вывод мог сделать лишь человек, плохо знакомый с иностранными источниками, так как порицал Жюно не только король Неаполитанский, но и Бессьер, Ней, Гурго и почти все подчиненные этого несчастного, искалеченного генерала!

Правда, следует признать, что определенная доля вины за неудачное ведение боя лежит и на Наполеоне. Лоссберг пытался разобраться в том, почему император не отдал Жюно приказа об атаке. «Французский офицер-ординарец или адъютант Наполеона, - рассуждал он, - который настиг Жюно между 10 и 11 часами, когда мы как раз переходили мосты, не мог его привезти, еще меньше он мог сам посоветовать [идти в] атаку, так как в момент, когда этот офицер был послан Наполеоном (вероятно, из Смоленска, то есть примерно около 9 часов), последний еще не имел никакого представления, что оба армейских корпуса под командой Ней и Даву встретят столь значительное сопротивление; и так как мы по меньшей мере спустя час очистили от казаков лежащее впереди плато, откуда получили возможность обозреть местность, этот офицер, вероятно, знал о положении дел еще меньше, чем Наполеон, так что нечего думать, будто он мог подать такой совет как собственное мнение. В кратких переговорах, которые состоялись между Жюно и

этим офицером, по уверению Бернара, которое основывалось на сообщении Тарро (таким же образом высказывался и генерал фон Оке), *не было никакой речи о задаче нашего армейского корпуса*. Поэтому упомянутый офицер-ординарец прибыл только для того, чтобы доставить Наполеону сообщение, переброшены ли мосты и перешли ли мы через них.

Офицер вновь ускакал назад столь же быстро, после того как он, как было замечено, перебрался несколькими словами с Жюно, находившимся недалеко от Тарро, и проехал туда и обратно вдоль пехоты армейского корпуса, шедшей в колонне. (Я не могу знать, перешел ли этот офицер через мосты, чтобы разыскать Жюно, но я определенно знаю, что достиг армейский корпус сзади и ехал в голове его, где находился Жюно)»^{xxxiv}.

Напомним, что в первом разговоре с Мюра Жюно неслучайно ссылаясь на отсутствие у него приказа императора к наступлению. Настойчивые и даже резкие призывы короля Неаполитанского, который не являлся его непосредственным командиром, почти наверняка вызвали у этого больного и «заторможенного» человека «обратную реакцию», на что указывали очевидцы. Он «заикнулся», «встал в позу» и не хотел делать ни чего, что ему навязывали силой. Поэтому появление между 16 и 17 часа ми императорского ординарца Гурго, даже если он и передал приказ императора, оказалось запоздалым. *Капитан* тем более не мог переубедить *генерала*, коли этого не смогли сделать ни его собственные подчиненные *генералы*, ни даже *маршал Франции и король Неаполя*. Так что отсутствие императора на поле боя, безусловно, отрицательно сказалось на координации усилий отдельных корпусов армии. Историки уже давно обратили внимание на это обстоятельство.

В заключение заметим, что сквозящее во французских источниках необъективное и несправедливое отношение к вестфальским войскам противоречит показаниям немецких источников и даже самого Жюно о высоком боевом духе этих подразделений. Эта необъективность переключалась и в отечественную историографию, усугубившись тем, что советские авторы не знали немецких источников, даже тех, что успели перевести в дореволюционное время. Так, Троицкий и Нечаев без тени сомнения цитируют фантазии сочинителя Голубова и, в частности, называют вестфальцев «стадом солдат-свинопасов». А между тем Голубов в полном смысле слова «слышал звон, да не знает, где он». Так, описанный вахмистром О. Тирионом эпизод, произошедший во время Бородинского сражения, представитель *соуэреализма*, ничтоже сумняшеся поместил в описание боя при Валутиной горе^{xxxv}.

Приложение

8-й армейский корпус^{xxxvi}

Командующий - дивизионный генерал А. Жюно,
 первый адъютант: шеф батальона А. Делаграв^{xxxvii},
 начальник штаба - штабной полковник Ж. Ревес^{xxxviii}

командующий артиллерией - бригадный генерал Ж. Алликс де Во

дивизия	Бригада	Подразделение	Мемуаристы
23-я пехотная, генерал Ж.В. Тарро	1-я, генерал Ф. Дама 2-я, полковник Ж.Б. Бернар	3-й легкий пехотный батальон 2-й линейный полк (3 батальона) (2 роты) 6-й линейный полк (2 батальона) (2 роты)* 2-й легкий пехотный батальон*	Кролман Моргенштерн Конрада Бёдикер Линсинген Лоссберг Мейер
	1-я, генерал Легра	3-й линейный полк (2 батальона)	Вагнер Флекк
24-я пехотная, генерал А.Л. Оке адъютант -		7-й линейный полк (3 батальона) егерско-карабинерный батальон Гвардейский егерский батальон	

капитан Борке	24-я легкой кавалерии, генерал Хаммерштайн	Гвардейский гренадерский батальон 1-й легкой пехотный батальон (рота) 5-й линейный полк (2 батальона) Гв. шволежерский полк (4 эскадрона) 1-и гусарский полк (4 эскадрона) 2-й гусарский полк (4 эскадрона)	Гиссе Хайнеманн Оке Рюппел Клинкхардт

Итого: 18 батальонов, 12 эскадронов, 13 тыс. человек (400 офицеров и 12500 солдат), 34 орудия.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Нечаев С.Ю. Генерал Жюно: Жизнь пополам. М., 2001. С. 243-255.

ⁱⁱ *Записки герцогини Абрантес... М, 1837. Т. XV. С. 124-125. Лора д'Абрантес признавала, что в имеющейся у нее копии данного письма в конце недостает нескольких строк. Это письмо было опубликовано Ж. Фабри (Fabry G. Campagne de Russie. Paris, 1903. Т. IV. P. 791-792).*

ⁱⁱⁱ *Описание боя содержится также в неопубликованном дневнике лейтенанта гвардейских шволежеров К. фон Окса, сына генерала (Kleinschmidt A. Geschichte des Königreichs Westfalen. Gotha, 1893. S. 526. Anm. 1).*

^{iv} *Лоссберг. Поход в Россию в 1812 г. // Воен.-ист. вестник 1912. № 1; Lossberg F.W. Briefe in die Heimath... Cassel, 1844.*

^v *Нечаев С.Ю. Указ. соч. С. 239-241. Жюно привел 4-й армейский корпус из Италии до польской границы, но, когда к армии приехал вице-король Италии Боарнэ, начались раздоры между генералами. Недовольный подчинением молодому человеку, Жюно написал Наполеону в Дрезден. 28 мая Бертье ответил Жюно: «Вы остаетесь под начальством вице-короля для командования несколькими дивизиями... Вы остаетесь вторым командующим 4-м корпусом под начальством принца вице-короля, командующего несколькими корпусами центра. Но так как 4-й корпус принадлежит к Итальянской армии, сформированной вице-королем, то император желает, чтобы штаб этого корпуса был в то же время штабом Его императорского и королевского высочества, как главного начальника корпусов центра Великой армии. Таким образом, г. герцог, в военном отношении вы остаетесь командующим 4-м корпусом под начальством вице-короля». Жюно остался недоволен этим ответом и опять выразил возмущение императору. 28 мая Бертье написал, что он напрасно переживает, что император по-прежнему любит его, и повторил: «Вы остаетесь при 4-м корпусе, командиром этого 4-го корпуса под начальством вице-короля. Император приказал, чтобы штаб этого 4-го корпуса был штабом вице-короля, командующего несколькими корпусами... Это сделано лишь для того, чтобы сократить издержки и сделать одним штабом меньше». Но и эти разъяснения не смогли удовлетворить Жюно, который знал Эжена еще с детских лет, когда сам уже был знаменит. Как выразилась его супруга, «обстрелянная голова старого воина, украшенная славными ранами, не могла с покорностью склоняться перед молодыми усиками вице-короля». Бертье был вынужден ответить ему еще раз, 6 июля из Вильно (Записки герцогини Абрантес... Т. XV. С. 111-114, 117). Заметим, что аналогичные проблемы возникли между королем Вестфалии Жеромом Бонапартом и генералом Вандаммом. Похоже, что бывшие революционные генералы никак не могли или не хотели привыкнуть к новым династическим замашкам «маленького капрала», ставшего императором, который начал выдвигать на высшие командные посты людей не по их боевым заслугам, а по родственным, династическим связям.*

^{vi} *Попов А. И. Генерал Вандам в России // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 1999. С. 71-82.*

^{vii} *Hohenhausen L. Biographie des generals von Ochs. Cassel, 1827. S. 231 (далее -Ochs); Gießel F. Tagebuch... Leipzig, 1912. S. 90; Lossberg F.W. Op. cit. S. 117; Wagner F.L. Tagebuch // Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine. Bd. 111. Berlin, 1899. S. 208; Rüppell E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin, 1912. S. 73; Linsingen. Auszug aus dem Tagebuch // Beihefte zum Militär-Wochenblatt, 1894. S. 275.*

^{viii} *Ochs L. Op. cit. S. 232-233; Gießel F. Op. cit. S. 91; Lossberg F.W. Op. cit. S. 117; Linsingen. Op. cit. S. 275. В свете показаний источников лишь улыбку может вызвать заявление Нечаева о том, «что пехота Жюно не просто сбилась с дороги, а стала жертвой коварства (а может быть героизма?) русских проводников, из-за которых она заблудилась». Далее Нечаев без тени сомнения воспроизвел фантазию Голубова о том, как «три русских крестьянина», служившие проводниками, вывели Жюно к Днепру, «прямо под прицельный огонь русских батарей» с другого берега: за это*

они были расстреляны (Нечаев С.Ю. Указ. соч. С. 245-246). Таким образом, оба сочинителя «заблудили» немцев в направлении, прямо противоположном реальному.

^{ix} Ochs L. Op. cit. S. 233; Gießel F. Op. cit. S. 91-92; Lossberg F.W. Op. cit. S. 118-119; Wagner FL. Op. cit. S. 208-209; Linsingen. Op. cit. S. 275-276; Rüppell E. Op. cit. S. 73-74; Лоссберг Ф.В. Указ. Соч. С. 11-12. Кауслер вспоминал, что 17-го вюртембергцы со своей позиции на левом берегу видели «часть Борисфена и гряду холмов на правом берегу реки. На них были видны длинные черные колонны, спешно тянувшиеся к Смоленску, поднимая облака пыли. Многие полагали, что это был Жюно с вестфальцами, про которых было известно, что они произвели неверное движение, и с минуты на минуту надеялись увидеть, как они атакуют русских; но вскоре голова этих колонн мирно соприкоснулась с русской позицией. Это были Барклай и Багратион» (Faber du Faur Ch. Napoleons Feldzug in Russland. Leipzig, 1897. S. 126). Данилевский написал, будто корпус Жюно прибыл к Смоленску не ранее 17 часов, и тут же заявил: «Вот лучшее доказательство, что на первом своем шагу в коренную Россию, неприятель уже лишился необходимого пособия на войне - проводников». Это заявление охотно процитировал Нечаев, добавив от себя философу об особом патриотизме русского человека по сравнению с «загнивающим» европейским обывателем (Нечаев С.Ю. Указ. соч. С. 246). Однако заметим, что это утверждение не имеет отношения к данному случаю, ибо проводник-еврей был в наличии, он лишь перепутал название двух населенных пунктов.

^x Rüppell E. Op. cit. S. 75-76; Ochs L. Op. cit. S. 234; Gießel F. Op. cit. S. 96; Linsingen. Op. cit. S. 276; Lossberg F. W. Op. cit. S. 119-120; Wagner FL. Op. cit. S. 209. Не зная источников, Нечаев заявил, будто «в самом сражении под Смоленском Вестфальский корпус Жюно не должен был играть особо важной роли, он был отряжен во второй эшелон для поддержания, в случае необходимости, корпуса Понятовского» (Нечаев С.Ю. Указ. соч. С. 244).

^{xi} Записки герцогини Абрантес... Т. XV. С. 122-123.

^{xii} «Начиная от Стабни, - пишет Ф. Сегюр, - большая дорога, во избежание болот, образованных различными притоками Днепра, поворачивает налево и, таким образом, направляясь по возвышенным местам, удаляется от бассейна реки, чтобы приблизиться потом к ней там, где условия почвы становятся благоприятнее. Замечено было, что проселочная дорога, более прямая и короткая, как и все такие дороги, пролегла через болота и подходила к большой дороге, позади Валутиной горы. Жюно отправился как раз по этой проселочной дороге, перейдя реку у Прудницево. Она привела его в тыл левого фланга русских, к флангу колонн, возвращавшихся на помощь аррьергарду» (Gießel F. Op. cit. S. 104; Ochs L. Op. cit. S. 235-236; Rüppell E. Op. cit. S. 76-78, 80; Kriegerleben des Johann von Borcke. Berlin, 1888. S. 181 (далее - Borcke); Conrady L. W. Aus stürmischer Zeit. Berlin, 1907. S. 253; Gourgaud G. Examen critique... //Bibliothèque historique et militaire. Paris, 1853. T. VII. P. 393; Сегюр Ф.П. Поход в Россию... Смоленск, 2003. С. 73).

^{xiii} Адьютант генерала Хаммерштайна капитан де Сен-Сернен будет убит в Бородинском сражении.

^{xiv} На карте начала XX в., которая воспроизводится до сих пор, эта деревня называется Тевеньково. Вестфальцы единодушно именуют ее Szenkowo, и на карте А. Хатова в книге Д. Бутурлина она названа Щенково.

^{xv} Французы в России. М., 1912. Ч. I. С. 91; Lossberg F.W. Op. cit. S. 126-127, 132-133, 137; Ochs L. Op. cit. S. 236; Linsingen. Op. cit. S. 277; Fleck L. Beschreibung meiner Leiden... Hildensheim, 1845. S. 16-17; Rüppell E. Op. cit. S. 82; Borcke J. Op. cit. S. 181—182; Conrady L. W. Op. cit. S. 254-255; Krollmann F. Op. cit. S. 26-27; Fabry G. Op. cit. P. 754, 791; Лоссберг Ф.В. Указ. соч. С. 14.

^{xvi} Рюппел пишет: «В деревню были посланы несколько человек, которые, однако, не привезли с собой ничего, кроме горшка кислого молока и немного хлеба; он был передан генералу фон Хаммерштайну, который сделал несколько глотков и затем протянул его полковнику фон Хессбергу. Тот позволил себе получить попробовать и затем бросил его вблизи от меня на землю; к счастью, он упал наискосок в жнивье: я мигом поспешил туда и нашел еще остатки, которые я отхлебнул длинными глотками. Я больше не имел хлеба, но его могли заменить несколько плиток шоколада, которые я купил в солдатской лавке у Смоленска» (Ochs L. Op. cit. S. 236-237; Borcke J. Op. cit. S. 182; Gießel F. Op. cit. S. 105; Lossberg F. W. Op. cit. S. 127; Conrady L. W. Op. cit. S. 255; Rüppell E. Op. cit. S. 82; Linsingen. Op. cit. S. 277; Лоссберг Ф. В. Указ. соч. С. 14).

^{xvii} Rüppell E. Op. cit. S. 82; Borcke J. Op. cit. S. 182-183; Gießel F. Op. cit. S. 105 - 106; Ochs L. Op. cit. S. 237; Linsingen. Op. cit. S. 277; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г.... СПб., 1859. Т. 1. С. 295.

^{xviii} Несколько мемуаристов передали этот разговор: «Раздраженный ожиданием, Мюра бросился к нему: "Что с тобой? Отчего ты не идешь вперед?". "Мои вестфальцы начинают колебаться. Я их расшевелю"... "Вот, маршальский жезл уже наполовину и твой; доканчивай, русские пропали"».

Мюра «настаивал, чтобы герцог ускорил свое движение. - Ты обижаешься, - говорил он ему, - что ты не маршал. Вот прекрасный случай. Воспользуйся им. Ты наверняка заработаешь жезл». По свидетельству Лоссберга, король «порицал Жюно в 10 шагах перед полком столь громкими и внятными словами, что каждый, знающий французский язык, все понял; при этом он указал на войска, которые, ликуя при его появлении, пели и, увидев его, кричали: "Да здравствует", в то время как он обратился к Жюно со словами, чтобы тот воспользовался этим столь сильно выражаемым хорошим духом и начал наступать, на что Жюно, однако, столь же громко возразил, что он действует по приказам императора и хорошо знает, что следует делать». По словам Л. Д'Абрантес, такую версию распространял Мюра, а Жюно описывал дело совсем иначе, приводя весомые доказательства (Французы в России. Ч. 1. С. 99; Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 109; Lossberg F. W. Op. cit. S. 130-131 ; Berthezène P. Souvenirs militaires. Paris, 1855. Т. 2. Р. 30; Записки герцогини Абрантес... С. 125).

^{xix} Коленкур А. Указ. Соч. С. 108; Ochs L. Op. cit. S. 238; Borcke J. Op. cit. S. 183-184; Rüppell E. Op. cit. S. 83-84; Linsingen. Op. cit. S. 277; Boedicker L. Die militärische Laufbahn // Beihefte zum Militär-Wochenblatt, 1880. Hft. 1. S. 271; Gießel F. Op. cit. S. 107-108; Rüppell E. Op. cit. S. 84-85; Lossberg F. W. Op. cit. S. 127; Лоссберг Ф.В. Указ. соч. С. 14; Austin P.B. 1812: The March on Moscow. L., 1993. P. 209; Богданович М.И. Указ. соч. С. 297. Анонимный автор «Книги о 1812 годе» приводит заявление неназванного вестфальского кавалерийского офицера, будто в данном случае погибли только капитан Вурмб и несколько вольтижеров, а все прочие бросились «инстинктивно по манере неопытных солдат» на землю и, ко всеобщему удивлению, поднялись вновь, хотя и раненые в большинстве. Издатель мемуаров Рюппела заметил, что этот рассказ противоречит показаниям Окса, Борке, Рюппела, а Линсинген прямо пишет, что ни один вольтижер не остался в живых (Das Buch vom Jahr 1812. Quedlinburg-Leipzig, 1844. Bd. 2. S. 197; Rüppell E. Op. cit. S. 84-85. Anm. 3).

^{xx} Линсинген пишет, что это было в 5 часов. Издатель воспоминаний Рюппела верно заметил, что все вестфальские мемуаристы упоминают лишь об одном посещении маршалом Мюра герцога д'Абрантес, но посчитал более верным заявление Окса о двух приездах короля Неаполитанского к Жюно (Linsingen. Op. cit. S. 277; Rüppell E. Op. cit. S. 82. Anm. 1). Мы также считаем последнее утверждение более точным, так как письмо самого Жюно также позволяет говорить о двух появлениях короля перед вестфальцами.

^{xxi} Ochs L. Op. cit. S. 238-239; Fleck L. Op. cit. S. 17-18; Lossberg F.W. Op. cit. S. 117; Austin P.B. Op. cit. P. 207; Gießel F. Op. cit. S. 106; Borcke J. Op. cit. S. 375. Ann. 9; Conrady L. W. Op. cit. S. 255.

^{xxii} Ochs L. Op. cit. S. 239; Gießel F. Op. cit. S. 108; Lossberg F.W. Op. cit. S. 127, 128; Borcke J. Op. cit. S. 375. Ann. 9; Linsingen. Op. cit. S. 277; Fabry G. Op. cit. P. 791; Austin P.B. Op. cit. P. 210 Лоссберг Ф.В. Указ. соч. С. 14-15.

^{xxiii} Во весь опор, полным карьером (фр.).

^{xxiv} Rüppell E. Op. cit. S. 85-91. Упомянутый музыкант Фридрих Клинкхардт (род. 1788) оставил воспоминания. Bonnet de police (фр.)

^{xxv} Ochs L. Op. cit. S. 239-240; Gourgaud G. Op. cit. P. 393-394; Mémoires du general baron Marbot. Paris, 1891. Т. III. P. 131 (далее - Marbot); Austin P.B. Op. cit. P. 208; Богданович М.И. Указ. соч. С. 297; Ист. вестн. 1898. № 12. С. 687-688.

^{xxvi} Fabry G. Op. cit. P. 791-792; Wedel C.A. Geschichte eines Officiers im Kriege gegen Russland 1812. Berlin. 1897. S. 71; Linsingen. Op. cit. S. 277.

^{xxvii} Конради пишет, что в этой атаке, происходившей вечером, участвовала и «моя вольтижерская рота», т. е. из 1-го батальона 6-го полка (Conrady L. W. Op. cit. S. 256).

^{xxviii} Ochs L. Op. cit. S. 240-242; Gießel F. Op. cit. S. 108; Lossberg F.W. Op. cit. S. 128-129; Fleck L. Op. cit. S. 17; Borcke J. Op. cit. S. 375. Ann. 9; Fabry G. Op. cit. P. 792; Krollmann F. Op. cit. S. 27-28; Linsingen. Op. cit. S. 278; Лоссберг Ф.В. Указ. соч. С. 15; Богданович М.И. Указ. соч. С. 299-300.

^{xxix} Ochs L. Op. cit. S. 242; Gießel F. Op. cit. S. 108-109; Linsingen. Op. cit. S. 278; Bödicker L. Op. cit. S. 271; Wagner F.L. Op. cit. S. 209; Fabry G. Op. cit. P. 792.

^{xxx} Ochs L. Op. cit. S. 242-243; Fleck L. Op. cit. S. 17; Gießel F. Op. cit. S. 109; Linsingen. Op. cit. S. 278; Lossberg F.W. Op. cit. S. 136. Anm. 20; Fabry G. Op. cit. P. 792; Krollmann F. Op. cit. S. 29; Meyer. J. Erzählung der Schicksale und Kriegsabenteuer. Göttingen, 1838. S. 41; Лоссберг Ф.В. Указ. Соч. С. 16; Записки герцогини Абрантес... Т. XV. С. 116. Потери 8-го корпуса в офицерах были следующими:

Подразделение

Убиты или умерли от ран

Ранены

Гвардейские егеря	лейтенанты А.К.А. Бутглар и Лоссберг	
Егеря-карабинеры	шеф батальона В.Э.Л. Хессберг (умер 20 авг.) лейтенант фон Хоенхаузен	
2-й легкий батальон 6-й линейный полк шволежеры гвардии	капитан Л. фон Вурмб ротмистр Жоффруа (умер 1 сент.) премьер-лейтенант Закк	два лейтенанта лейтенант фон Маттерн лейтенанты Б.В. Рюппел, фон Хелмшверд, И:П. Кёлер, Бусше-Мюнх лейтенанты Ф. фон Штайн, Шенк фон Тилеманн, С.Э. Рюппел
2-й гусарский полк		
Обоз артиллерии	лейтенант Майер	

По словам Т. Бернхарди, Хессберг из-за своей строгости застрелен своими солдатами (Lünsmann F. Die Armee des Königreichs Westfalen. Berlin, 1935. S. 152-153,157-156,166 167,213,224,248-249,258).

^{xxxix} Wagner F. L. Op. cit. S. 209; Linsingen. Op. cit. S. 278; Lossberg F. W. Op. cit. S. 137; Conrady L. W. Op. cit. S. 256-257; Лоссберг Ф.В. Указ. соч. С. 16-17. Все же вестфальским орденом за этот бой были награждены капитаны В. фон Гриссхайм и К.Ф. фон Барделебен-Альтенбокум из гвардейских егерей, Ф. Метцнер из егерей-карабинеров, Фоллмар из артиллерии, Фритцш из 2-го линейного, фон Маттерн из вольтижерской роты 6-го линейного, ротмистры де Жоффруа, Г.В. фон Корнберг, Дюкро и лейтенант фон Андлау из гвардейских шволежеров, шеф эскадрона Ю. Черницкий и ротмистр Д'Агон дела Контри из 1-го гусарского, ротмистры фон Остен, фон Буш-Иппенбург и Х. Бёдикер из 2-го гусарского (Lossberg F. W. Op. cit. S. 136. Anm, 20).

^{xxxix} Fleck L. Op. cit. S. 18; Ochs L. Op. cit. S. 243; Lossberg F. W. Op. cit. S. 119,130. 131; Linsingen. Op. cit. S. 278; Gourgaud G. Op. cit. P. 394; Conrady L. W. Op. cit. S. 256; Rüppelle. Op. cit. S. 85. Anm. 1; Marbot. P. 132; Osten-Säcken und von Rhein C. Der Feldzug von 1812. Berlin, 1901. S. 58; Коленкур А. Указ. соч. С. 108-109; Французы в России. Т. I. С. 99-100; Записки герцогини Абрантес... С. 108,135; Ист. вестн. 1898. № 12. С. 688. Сегюр, похоже, пересказал воспоминания Раппа. Когда Наполеон «оглядел положение, которое занимал Жюно, у него вырвалось восклицание: "Вестфальцы должны были оттуда броситься в атаку! Судьба сражения заключалась там! Что же делал Жюно?" - раздражение Наполеона было так сильно, что никакие оправдания не могли успокоить его. Он позвал Раппа и закричал ему: "Примите командование у герцога д'Абрантес! Его надо отослать обратно из армии! Свой маршальский жезл он потерял безвозвратно! Эта ошибка, может быть, закроет нам дорогу в Москву! Я отдаю вам вестфальцев. С ними вы будете говорить на их языке и сумеете заставить их драться!". Однако Рапп отказался занять место своего прежнего товарища. Он постарался успокоить императора, гнев которого всегда быстро испарялся, как только он изливал его в словах» (Сегюр Ф. Указ. соч. С. 75).

^{xxxix} Записки герцогини Абрантес... 55,106; Lossberg F. W. Op. cit. S. 104; Dupuy V. Souvenirs militaires. Paris, 1892. P. 179; Soltyk R. Napoleon en 1812. Paris, 1836. P. 165; Girod de l'Ain M. Dix ans de mes souvenirs militaires. Paris, 1873. P. 267; Castellane B. Journal. Paris, 1895. T. 1. P. 69, 137-138, 223; Pigéard A. Les étoiles de Napoleon. Paris, 1996. P. 414-419.

^{xxxix} Lossberg F. W.?. 132-133.

^{xxxv} Голубое С.Н. Багратион: Роман. М., 1947. С. 185-186; Троицкий Н.А. 1812: Великий год России. М., 1988. С. 116; Нечаев С.Ю. Указ. соч. С. 245-246,253-255.

^{xxxvi} Специально приводим состав корпуса, так как у Богдановича и Нечаева он неточен.

Гвардейскими шволежерами командовал вовсе не полковник Вольф (Нечаев С.Ю. Указ. соч. С. 242,261), который на самом деле был бригадным генералом и уехал из России вместе с Жеромом, а полковник Х.Х. Мюллер.

^{xxxvii} Нечаев пишет, будто эту должность занимал некий «граф Дели», а в письме Жюно упомянут «бедный Лаграв» (Нечаев С.Ю. Указ. соч. С. 257,265). Автору невдомек, что речь идет об одном и том же человеке. Эту абракадабру он взял из русского наградного документа, где говорится, что подпоручик Моллер 1-й «сам лично взял в плен старшего адъютанта герцога Дабрантиса, маршала Жюнота, полковника Делияграфа» (Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 245).

^{xxxviii} Даже зная истинное имя начальника штаба корпуса, Нечаев зачем-то цитирует выдумку

Голубо а о неком полковнике Клери (Нечаев С.Ю. Указ. соч. С.246).